

DOI 10.15407/sociology2020.04.068
УДК 316.334.2:316.42

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА,

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

TETIANA PETRUSHYNA,

Doctor of Sciences in Sociology, Candidate of Sciences in Economics, Head of the Department of Economic Sociology, Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

tanya.petrushina@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-3750-9604

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

ANATOLII ARSEIENKO,

Candidate of Sciences in History, Leading Research Fellow at the Department of Economic Sociology, Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

anatoliy.arseenko@gmail.com

https://orcid.org/0000-0002-3137-6487

Социологическое измерение экономической глобализации: мировые тренды и украинские реалии

Вторая часть. Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации¹

В советский период Украина стала одной из наиболее развитых индустриально-аграрных стран в Европе, достижения которой были высоко оце-

---

¹ Первую часть статьи “Теоретическое и эмпирическое измерения экономической глобализации” см.: *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2020, 3, 51–79.

Цитирование: Петрушина, Т., Арсеенко, А. (2020). Социологическое измерение экономической глобализации: мировые тренды и украинские реалии. Вторая часть. Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 68–110.

нены в мире. Как отмечало Центральное разведывательное управление США: «После России Украинская республика была важнейшим экономическим компонентом бывшего СССР, производя примерно в четыре раза больше продукции, чем республика, занимавшая следующее место. Ее плодородный чернозем производил более четверти советской сельскохозяйственной продукции, а ее фермы обеспечивали существенное количество мяса, молока, зерна и овощей для других республик. Аналогично, ее разнообразная тяжелая промышленность поставляла уникальное оборудование ... и сырье на промышленные и добывающие комплексы ... в другие области бывшего СССР» [CIA, 2016]. После выхода из состава СССР Украина получила богатое индустриальное наследие — десятки промышленных гигантов союзного подчинения и значения, способных производить на уровне мировых требований первоклассные самолеты, ракеты, суда и т. п., недоступные для производства и сегодня большинству экономически развитых стран. Ее экономический, человеческий, научный и культурный потенциал, выгодное географическое положение, богатые недра и плодородная земля создавали благоприятные условия для успешного развития народного хозяйства и вхождения в глобальное экономическое пространство на правах равноправного партнера. Однако вовлечение Украины в капиталистическое международное разделение труда привело к превращению ее в поставщика преимущественно сырья и дешевой рабочей силы. Переход от социалистической к капиталистической системе хозяйствования негативно повлиял на все сферы жизни украинского общества. В результате капитализации отечественной экономики произошла ее деградация и инволюция, массовая деиндустриализация и инновационный дефолт. Вследствие кардинального изменения отношений собственности сформировалась новая социально-классовая структура, возникли и укоренились олигархически-мафиозные кланы, сосредоточившие в своих руках практически всю экономическую и политическую власть в стране. В результате лишения широких слоев населения собственности на средства производства сформировался многочисленный класс наемных работников, отстраненный под ширмой демократических лозунгов от участия в управлении и своими предприятиями, и страной в целом. Большинство людей труда были лишены также многих социальных благ, в том числе прав на достойный труд и достойные социальные условия жизни. В результате построения «капитализма для своих», олигархизации страны, всеохватывающей коррупции, подавления воли и возможностей большинства граждан к реальному сопротивлению действиям властей, направленным на ухудшение их жизненного уровня, в Украине образовалось неправовое, антисоциальное и недемократическое государство, хроническим атрибутом которого стал системный кризис.

Убедительным доказательством этих серьезных выводов служит анализ динамики важнейших социальных изменений, произошедших в нашем обществе в результате вхождения в глобальное экономическое пространство и капитализации отечественной экономики в процессе ее радикального реформирования. Социологические показатели этих изменений, приведенные на основе социологического мониторинга Института социологии

Таблица

Статистические и социологические показатели социальных изменений в украинском обществе (1994–2020)

Статистические показатели	1994	2000	2004	2010	2013	2014	2017	2018	2019
Индекс глобализации	44,9	62,6	64,2	71,6	73,7	73,4	74,9	...	...
Индекс экономической глобализации	27,8	58,6	52,3	61,6	61,8	61,7	65,0	...	...
Индекс глобальной конкурентоспособности	...	...	2006 г. 3,9 (1–7) 78 место среди 125 стран	3,9 (1–7) 89 место среди 139 стран	4,1 (1–7) 84 место среди 148 стран	4,1 (1–7) 76 место среди 144 стран	4,1 (1–7) 81 место среди 137 стран	57,0 (0–100) 83 место среди 140 стран	57,0 (0–100) 85 место среди 141 страны
ВВП, долл. США (constant 2011 international \$)	296,86	235,9	332,9	358,9	379,3	354,5	335,7	346,9	...
ВВП в расчете на душу населения страны, долл. США (constant 2011 international \$)	5718	4757	7016	7824	8339	8243	7902	8207	...
Индекс глобальной инновационности (Global Innovation Index)	...	...	2007 г. 2,24 (1–7) 75 место среди 107 стран	3,06 (1–7) 61 место среди 132 стран	35,78 (0–100) 71 место среди 142 стран	36,26 (0–100) 63 место среди 143 стран	37,62 (0–100) 50 место среди 127 стран	38,52 (0–100) 43 место среди 126 стран	37,40 (0–100) 47 место среди 129 стран
Количество инновационно активных промышленных предприятий	...	1 705 / 18,0	1 359 / 13,7	1 462 / 13,8	1 715 / 16,8	1 609 / 16,1	759 / 16,2	777 / 16,4	...
Объем реализованной инновационной продукции, % к общему реализуемому реализованной промышленной продукции	...	9,4	5,8	3,8	3,3	2,5	0,7	0,8	...
Количество занятых экономической деятельностью, млн чел.	1995 г. 23,8	20,2	20,3	20,3	20,4	18,1	16,2	16,4	...
Средняя заработная плата, долл. США (по курсу текущего года)	45	42	111	282	394	278	252	318	385
Средняя пенсия, долл. США (по курсу текущего года)	9,2	12,7	34,3	30,1	184,1	128,4	68,7	91,2	113,9
Затраты на исследования и разработки / государственное финансирование науки, % ВВП	1998 г. 1,21 / 0,35	1,20 / 0,37	2005 г. 1,17 / 0,39	0,75 / 0,33	0,70 / 0,32	0,60 / 0,25	0,45 / 0,16	0,47 / 0,17	...
Государственный и гарантированный государством долг Украины, млрд долл. США (на конец года)	13,5	14,1	16,1	54,3	73,2	69,8	76,3	78,3	...

Окончание таблицы

Внешний государственный и гарантированный государством долг Украины, млрд долл. США (на конец года)	8,2	10,3	12,1	34,7	37,5	38,8	49,0	50,5	...
<i>Социологические показатели</i>	1994	2000	2004	2010	2013	2014	2017	2018	2020
Оценка экономической ситуации в Украине, средний балл по 11-балльной шкале (0 – очень плохая, 10 – очень хорошая)	1,6	1,7	2,6	2,5	2012 г. 2,8	2,2	2016 г. 2,1	2,7	3,0
Легко/трудно найти достойную работу (по квалификации и с достаточным заработком) по месту проживания, %	...	2002 г. 3 / 74	2005 г. 4 / 74	2 / 80	...	2 / 85	...	9 / 74	7 / 75
Легко/трудно найти любую работу по месту проживания, %	...	14 / 55	27 / 47	19 / 57	...	19 / 60	...	33 / 45	27 / 48
Средний размер заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц перед опросом, долл. США	42	18	54	147	215	142	124	142	200
Совокупный доход (до отчислений) на одного члена семьи за последний месяц перед опросом, долл. США	36	18	44	137	194	133	103	118	172
Характер изменений жизни людей за последний год, по их самооценкам (улучшилась/ухудшилась), %:					2012 г.		2016 г.		
материальные условия семьи	7 / 73	6 / 69	17 / 39	6 / 59	7 / 48	5 / 60	3 / 79	10 / 54	7 / 57
медицинское обслуживание	2 / 75	2 / 65	5 / 37	3 / 40	3 / 41	3 / 42	3 / 61	7 / 45	5 / 45
гарантии занятости, обеспечение работой	2 / 76	3 / 74	9 / 38	3 / 52	3 / 48	3 / 51	3 / 66	7 / 48	4 / 48

Примечания: Таблица составлена и рассчитана по: [GDP, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine; KOF Globalisation Index, s.a.; The Power of Innovation, 2007; p. 27; Аналітична довідка, 2019; с. 10; Аналітичний огляд, 2015; с. 7; Державний та гарантований державою, 2013; с. 1; 2014; с. 1; Динаміка середньомісячної зарплатної плати, 2005; Довідка про державний прямиий і гарантований, 2004; Довідка щодо державного та гарантованого державою, 2010; Інформаційна довідка щодо державного та гарантованого державою, 2017, 2018, 2020; Кравчук, 2015; Мазур, 2013; с. 6; Марин, 2019; Наукова та інноваційна діяльність України, 2011; с. 185; 2018; с.103; 2019; с. 65; 82; Одолюк, 2018; с. 130; Середній розмір місячної пенсії, 2007; Середній розмір призначеної пенсійної виплати, 2019; Середня зарплата, 2019; Статистика курсу доллара США, 2010–2011; р. 334; 2013–2014; р. 15; України, 2008; с.332; 2011; с. 390; 2013; с. 344; 2019; с. 50]; а також: The Global Competitiveness Report: 2006–2007; р. XVI; 2010–2011; р. 334; 2013–2014; р. 15; 2014–2015; р. 372; 2017–2018; р. 296; 2018; р. XI; 2019; р. XIII; The Global Innovation Index: 2009–2010; р. 13; 2013; р. XX; 2014; р. XXIV; 2017; р. XVIII; 2018; р. XX; 2019; р. XXXIV; The Power of Innovation, 2007; р. 27].

В случаях отсутствия данных за определенный год приведены ближайшие по времени доступные данные.

НАН Украины в таблице¹, демонстрируют трансформацию уровня и качества жизни украинских граждан и являются опосредованными индикаторами ЭГ, характеризующими ее социальные последствия. В комплексе со статистическими данными они позволяют проследить за рядом параметров и направлений изменения экономической жизни украинского общества и показать “достижения” 30-летнего дрейфа на обочину глобального капиталистического мира.

Деиндустриализация и структурные изменения украинской экономики

Расширение занятости в сервисном секторе за счет ее уменьшения в аграрном и индустриальном секторах в интерпретации западной социологии формально является признаком так называемой позитивной деиндустриализации и становления “постиндустриальной” экономики. В Украине эти структурные изменения происходили не в результате экономически обоснованной терциаризации экономики, подготовленной повышением производительности труда и внедрением наукоемких технологий, а вследствие примитивизации и негативной деиндустриализации украинской экономики. Вместо продвижения к индустриально-информационной стадии в Украине произошел инволюционный возврат экономики к давно ею пройденной аграрно-индустриальной стадии.

Быстрый рост сферы услуг происходил за счет реального сектора экономики и был обусловлен рядом факторов: распадом единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, в составе которого в свое время находилась Украина, проведением реформ по нелиберальным рецептам МВФ в рамках требований “Вашингтонского консенсуса”, стремлением новоявленных “эффективных” собственников к получению прибыли максимально легким путем “здесь и сейчас”, как правило, в ущерб общенациональным интересам. Сокращение спроса на промышленную продукцию из-за разрыва большинства производственно-технологических связей с бывшими советскими республиками вызывало остановку и банкротство многих предприятий. В процессе так называемой народной приватизации, которая по своей сути была беспрецедентным разграблением общенародной собственности, с карты промышленности Украины одно за другим исчезали тысячи предприятий. Формально ставилась задача модернизации производства, поиска инвесторов, а фактически осуществлялся циничный захват экономических ресурсов страны “нуворишами”. Вследствие приватизационного произвола 80% реального экономического потенциала страны оказалось в руках 20 “семей-кланов” [Білорус, 2001], положив начало становлению кланово-олигархического капитализма и отчуждения общества от власти и государства.

---

¹ В таблице приведены данные, начиная с 1994-го, первого года социологического мониторинга социальных изменений в украинском обществе, что дает возможность сопоставления статистических и социологических показателей соответствующих изменений в те же годы либо практически за тот же период. Мониторинг является уникальным многолетним проектом Института социологии НАН Украины, который позволяет отслеживать и анализировать на ежегодной основе динамику изменений в украинском обществе и массовом сознании по многим направлениям. Выборочная совокупность составляет 1800 респондентов и представляет взрослое население Украины (старше 18 лет).

Авторы статьи уже анализировали процессы деиндустриализации украинской экономики, произошедшие в первые десятилетия становления капитализма в Украине, ее причины, этапы и последствия (см.: [Арсеенко, Петрушина, 2014]). По данным Госкомстата Украины 1990–2011 годов мы проследили негативную тенденцию резкого сокращения в структуре валовой добавленной стоимости доли обрабатывающей промышленности (примерно вдвое), сельскохозяйственного производства (примерно в 2,5 раза), строительства (почти в два раза) и одновременного роста удельного веса добывающей промышленности и многократного увеличения удельного веса торговли, финансовой сферы и других видов экономической деятельности, не связанных со сферой материального производства. Наряду со значительным уменьшением объемов промышленности и, соответственно, сокращением ее удельного веса в ВВП деиндустриализация также проявляется через увеличение доли сырьевых отраслей в ВВП и экспорте за счет уменьшения доли перерабатывающих, особенно машиностроения. Несмотря на ограниченность данных государственной статистики и невозможность их корректных сравнений из-за постоянных изменений методик расчета макроэкономических показателей, очевидна тенденция существенного снижения удельного веса машиностроения во всех расчетных показателях. За 1990–2010 годы последний уменьшился примерно в 4 раза. Среднегодовая численность наемных работников в промышленности снизилась с 7,8 млн в 1990-м до 3,0 млн в 2010-м, то есть в 2,6 раза, а в экономике в целом — в 2,0 раза [Статистичний щорічник, 2012: с. 344].

Как мы отмечали в своей статье по деиндустриализации, отследить динамику количества собственно промышленных предприятий в связи с отсутствием данных было гораздо сложнее. В 1995 году промышленных предприятий (объединений), находившихся на самостоятельном балансе (без мелких предприятий и кооперативов, то есть только средних и крупных), в Украине насчитывалось 8900 [Статистичний щорічник, 1996: с. 154–155]. Однако на фоне существенного сокращения промышленного производства в конце 2000 года их стало больше, а именно 10 502 промышленных предприятий (без мелких) [Статистичний щорічник, 2001: с. 100–101]. А после изменения методики учета и введения в статистическую терминологию в 2001 году категории “промышленные предприятия-юридические лица” прямое сопоставление вообще стало невозможным. Вместо одного среднего или крупного предприятия, которое функционировало раньше, регистрировалось несколько новых “юридических лиц” (в результате дробления промышленных гигантов на куски с целью перепродажи, репрофилирования, сбыта на металлолом и т. п.). Более того, количество этих предприятий-юридических лиц из года в год росло. В то же время расчеты по доступным статистическим данным обнаружили тенденцию существенного сокращения количества крупных и средних промышленных предприятий. К сожалению, четко проследить динамику сокращения количества этих предприятий из-за отсутствия необходимых данных официальной статистики и постоянных изменений формата публичного представления статистических показателей крайне сложно. Более того, отдельные показатели просто не совпадают между собой в разных статистических источниках. Расчеты на основе имеющихся данных показывают, что количество крупных и средних промышленных предприятий сократилось за 2010–2018 годы примерно с 6457 до 5070 единиц, в частности крупных — при-

мерно с 335 до 224 единиц. Следует подчеркнуть, что хотя малые предприятия составляют подавляющее большинство предприятий в промышленности (88,7% в 2018 году), именно крупные и средние определяют промышленный потенциал страны. На их долю приходилось в 2018-м, соответственно, 55,4% и 37,7% общего объема реализованной продукции, на них было занято, соответственно, 34,9% и 51,0% всех работников промышленности [Статистичний щорічник, 2019: с. 420, 429, 423].

Об ухудшении ситуации в сфере промышленности Украины¹ свидетельствуют и другие показатели. Количество наемных работников в промышленности сократилось до 2,3 млн в 2015-м и 2,2 млн в 2017-м [Статистичний щорічник, 2018: с. 442]. Количество промышленных предприятий уменьшилось только в течение 2013–2015 годов на 12,1%, с 5103 до 4483 [Промисловість України, 2016: с. 314]. В частности, количество крупных предприятий (250 и больше занятых работников) снизилось с 3444 в 2013-м до 2990 в 2018-м, в том числе в промышленности — с 1635 до 1294; общее же количество предприятий в украинской экономике сократилось за это время с 58 738 до 49 295 [Діяльність суб'єктів, 2019: с. 322, 318].

Индекс промышленной продукции в 2015-м составлял 66,4% по отношению к 2010-му, в частности автотранспортных средств — 18,2%, железнодорожных локомотивов и подвижного состава — 12,8% и т. п. [там же, с. 319]. Производство легковых автомобилей с бензиновыми двигателями сократилось за 2011–2014 годы с 32 907 шт. до 9 106 шт. [там же, с. 346], вагонов (грузовых, вагонов-платформ, железнодорожных или трамвайных) — с 52,7 тыс. шт. в 2011-м до 1,4 тыс. шт. в 2015-м, самолетов и других летательных аппаратов для гражданской авиации (массой до 2000 кг) за тот же период — с 224 до 164 шт. [там же, с. 348]. Такие наименования, как широкофюзеляжные пассажирские и грузовые самолеты, космическая аппаратура и прочие наукоемкие виды продукции вообще исчезли из перечня изделий отечественного машиностроения. Доля машиностроения (кроме ремонта и монтажа машин и оборудования) также снизилась и в структуре реализованной промышленной продукции — с 10,0% в 2011-м до 6,5% в 2015-м [там же, с. 27]. В то же время стремительно вырос импорт средств производства, достигший более 60% валового накопления основного капитала, что вдвое выше, чем в развитых странах. Индикатор инновационной модернизации Украины — доля добавленной стоимости перерабатывающей промышленности в ВВП — по итогам 2015 года снизился до 14%, что соответствует показателю Республики Корея шестидесятых годов прошлого века [Чижевський, Шевченко 2016].

Такие же разрушительные изменения, как и в промышленности, произошли в аграрно-индустриальном секторе Украины. Авторы данной статьи

---

¹ Для информации: Министерство промышленной политики Украины за время ее независимости несколько раз реорганизовывалось и ликвидировалось, в последний раз в 2014 году его присоединили к Министерству экономического развития и торговли. С ликвидацией Министерства промышленной политики Украины разрушительные процессы в космической отрасли, авиа- и судостроении еще больше усилились и привели к потере контроля над промышленными отраслями в целом. В июле 2020-го Кабинет Министров Украины постановил создать Министерство по вопросам стратегических отраслей промышленности Украины. Насколько эффективной будет деятельность этого органа по возрождению и развитию промышленного потенциала страны, покажет ближайшее будущее.

не ставили перед собой цель проанализировать изменения в сельском хозяйстве Украины, однако считают целесообразным в контексте проблем исследования обратить внимание читателей на статью отечественного социолога Е. Иваненко “Украинское крестьянство в условиях глобализации: эксперимент на выживание”, посвященную анализу изменений в социально-экономической жизни украинского крестьянства в условиях ЭГ по данным мониторинговых исследований. В ней прослеживается тенденция к негативу в оценке крестьянством в целом аграрной реформы, проведенной во времена активной капитализации украинской экономики, освещаются существенные изменения в жизни украинских крестьян, которая “намного усложнилась, стала многопроблемной и даже конфликтной”, на конкретных данных опроса показаны “картина распада сельского социума” и падение крестьянской морали [Иваненко, 2011: с. 272, 278, 280, 281]. Е. Иваненко доказала, что “крестьянство сегодня получило ощутимую социально-экономическую, политическую, морально-психологическую травму в результате проведенных реформ. Из-за непрофессиональных действий власти оно превратилось в манипулируемую и пассивную массу, став материально и морально раздавленным классом” [там же: с. 287].

Завершая рассмотрение структурных изменений в украинской экономике, необходимо подчеркнуть, что сокращение наукоемких отраслей промышленности происходило на фоне общего технологического отставания украинского производства, 95% продукции которого относится к третьему и четвертому технологическим укладам (доля продукции более высоких технологических укладов составляет менее 5%: 4% — пятого и 0,1% — шестого). Структурные изменения, на проведении которых в течение всего периода становления капитализма в Украине настаивали ее внутренние и внешние реформаторы, развернули отечественную экономику в инволюционном направлении и заблокировали ее инновационное развитие. Вот почему без реиндустриализации и развития более высоких технологических укладов на базе устойчивого развития украинской науки надеяться на улучшения в экономике и рост конкурентоспособности страны в современном мире безосновательно.

Динамика глобальной конкурентоспособности и инновационности украинской экономики

С 1991 года укрепление научно-технологического потенциала Украины и утверждение инновационной модели развития только декларировались в качестве приоритетных направлений национальных интересов, тогда как в действительности проводилась антиинновационная политика. Накануне первого глобального кризиса сектор высокотехнологического производства в структуре обрабатывающей промышленности не превышал 10%, что вдвое меньше среднего показателя в экономически развитых странах. По доле высоких технологий Украина уступала Венгрии и Польше в 1,9–2,2 раза, основным странам ЕС — в 2,5–3,2 раза [Одотюк, 2009: с. 6, 98]. Как свидетельствует анализ Института экономики и прогнозирования НАН Украины, в отечественной экономике произошло масштабное падение доли наукоемких и инновационных производств, а желаемой перспективой развития страны после десятилетий ее трансформаций (по данным 1996–2016

годов) представляется возврат к показателям инновационного развития отечественной экономики 1990-х [Одотюк, 2018: с. 127–141].

Крайне низким остается количество инновационно активных предприятий. Несмотря на волнообразный характер динамики инновационной активности, общий тренд свидетельствует о стагнации этой активности (см. табл.). Даже достигнутый после предыдущих спадов уровень инновационной активности промышленных предприятий в 2018-м (16,4%) еще не сравнялся с уровнем 2000 года (18,0%). Он остается существенно ниже порогового значения (25%) и намного ниже аналогичного показателя в развитых странах. В Германии он составляет 70%, в Канаде — 65%, в Бельгии — 60% и т. д., даже в большинстве стран Центральной и Восточной Европы уровень инновационной активности колеблется от 20% до 40% [Федулова, 2013: с. 18].

Официальная статистика свидетельствует о существенном сокращении доли инновационной продукции в общем объеме реализованной промышленной продукции: с 9,4% в 2000-м до 0,8% в 2018-м (см. табл.). К этой качественной оценке инновационности и конкурентоспособности отечественной промышленности следует добавить, что среди наименований внедренных инновационных видов продукции на промышленных предприятиях преобладают те, что являются новыми только для предприятия, а не для рынка. Так, новая для рынка в общем объеме реализованной инновационной продукции (товаров, услуг) в 2018 году составляла всего 31,6% против 68,4% продукции, новой для предприятия [Наукова та інноваційна діяльність України, 2019: с. 81].

О стагнации инновационного развития свидетельствуют и данные международных исследований. Практически на том же уровне, независимо от изменений методики/шкалы измерения, остается индекс глобальной конкурентоспособности Украины (ИГК). По данным сайта Всемирного экономического форума, он колебался от 3,9 балла в 2006 году (по 7-балльной шкале) до 57,0 балла в 2019-м (по 100-балльной шкале). По этому показателю наша страна занимала 78 место среди 125 стран в 2006 году и 85-е среди 141-й (после Шри-Ланки) в 2019-м. ИГК Украины 2019 года был не только значительно ниже по сравнению с развитыми государствами (в пятерке лидеров глобальной конкурентоспособности он равнялся: Сингапур — 84,4; США — 83,7; Гонконг — 83,1; Нидерланды — 82,4; Швейцария — 82,3 балла), но и ощутимо уступал многим странам “третьего” мира и с “переходной” экономикой. Наименее развитыми составляющими ИГК Украины оказались инновационные факторы. По оценкам аналитиков они обеспечивали в 2014-м 10% конкурентоспособности страны, тогда как стимулы роста — 50%, а базовые условия — 40%¹.

Тренд стагнации инновационности украинской экономики подтверждает и динамика индекса глобальной инновационности², рассчитывающегося на основе 80 параметров, которые дают всестороннюю картину инновационного развития, включая обзор политической ситуации, состояния ин-

¹ The Global Competitiveness Report: 2006–2007: p. XVII; 2019: p. XIII; 2014-2015: p. 372.

² Этот индекс рассчитывается в рамках глобального экспертно-аналитического исследования, которое с 2007 года проводят Всемирная организация интеллектуальной собственности, Корнельский университет (США) и французская школа бизнеса INSEAD.

фраструктуры, бизнеса, образования и т. п. И хотя в 2019-м Украина вошла в 50 наиболее инновационных экономик мира, заняв 47 место среди 129 стран и второе среди группы стран с доходом ниже среднего, а также по результатам инновационной деятельности (Innovation performance) превзошла ожидания от страны с таким же уровнем развития, индекс ее инновационности за период 2011–2019 годов (после изменения шкалы измерения) колебался в пределах 35,00–40,47, что стабильно ниже среднего уровня этого индекса. В топ-десятку стран с самым высоким инновационным индексом вошли Швейцария, Швеция, США, Нидерланды, Объединенное Королевство, Финляндия, Дания, Сингапур, Германия и Израиль (их индексы составляют от 57,43 до 67,24 из 100 возможных). Украина с индексом 37,40 занимает 32-е место среди 39 обследованных стран Европы. Незначительный рост инновационного индекса украинской экономики за последние годы был достигнут, к сожалению, не за счет инновационных комбинаций (Innovation linkages), а вследствие объективного увеличения возможностей инфраструктуры: с 26,0 в 2013-м до 36,0 в 2019-м (прежде всего информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с 31,9 до 58,0). И хотя Украина по показателям 2014–2019 годов считается успешным инноватором, ни один украинский субъект не входит в 100 крупнейших научно-технических кластеров¹.

Несмотря на существенное расширение ИКТ в Украине, уровень развития отечественной экономики все еще считается недостаточным по сравнению с инновационно развитыми странами. Не случайно по индексу экономики знаний², разработанному для измерения влияния инноваций и доступа к информации на повышение производительности, Украина отнесена к ранней, самой низкой стадии развития экономики знаний, со слабыми институтами, навыками и инновационными составляющими. Для сравнения: на промежуточной стадии развития экономики знаний находятся Армения, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Грузия, Молдова, Румыния, Россия и др., а на продвинутой — Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и др. [Introducing, 2019: p. 12, 13]. В 2019 году Украина заняла 27 место среди 38 экономик, в которые ЕБРР инвестирует, с индексом 4,29 по шкале от 1 до 10. Ее ключевые показатели составляли: институты для инноваций — 4,33 балла, навыки для инноваций — 5,44, инновационная система — 2,84, ИКТ инфраструктура — 4,56. В сопоставлении с предыдущими исследованиями, на основе которых разрабатывался индекс экономики знаний ЕБРР, за период 2011–2019 годов зафиксирована некоторая негативная динамика в развитии инновационной системы страны и значительный негативный тренд в управлении инновационным развитием [ibid., p. 24, 25].

¹ The Global Innovation Index, 2019: p. XXXIV, 10, XXII, 18, 64-65; 2013: p. 261.

² Индекс экономики знаний EBRD KE Index был разработан Европейским банком реконструкции и развития для углубленного исследования регионов и стран, в которые банк инвестирует для содействия развитию экономики знаний. Впервые структура и методология построения индекса были представлены в докладе 2019 года. Этот индекс рассчитан на основе оценки четырех составляющих — институтов для инноваций, навыков для инноваций, инновационной системы и ИКТ инфраструктуры, каждая из которых имеет от двух до трех измерений [Introducing the EBRD, 2019: p. 3, 4].

Как признают специалисты Комитета по вопросам науки и образования Верховной Рады Украины, “правительства Украины ... нарушают основные принципы управления, утрачивают менеджерские функции в отношении развития промышленности, производства и экономики в целом”, не выполняют нормы действующих законов в научной и инновационной сфере [Чижевський, Шевченко. 2016]. Отсутствие действенной стратегии развития экономики Украины на базе знаний приводит, по их мнению, к постепенному нивелированию сферы научных исследований и разработок, потере возможности оперативно внедрять их результаты в реальный сектор экономики и своевременно реагировать на мировые научно-технологические вызовы. Наряду с отсутствием исполнительской дисциплины и низкой инновационной культурой правительственные чиновники проявляют откровенную незаинтересованность в содействии инновационному развитию¹. Как утверждают представители Комитета по вопросам науки и образования, “начиная с 2010 года государственные органы стали принимать законы и нормативно-правовые акты, которыми открыто тормозились не только процессы инновационного направления, но и развитие науки и образования”² [там же].

Развитие экономики на инновационной основе усложняется и тем, что изобретательство и рационализаторство утратили характер массового движения, свойственный им в советский период. Неблагоприятные условия сложились не только для изобретательской деятельности, но и для использования имеющихся перспективных изобретений, значительную часть которых украинские изобретатели из-за отсутствия системы экономических стимулов по созданию и коммерциализации объектов права промышленной собственности подают в патентные ведомства зарубежных стран, не обращаясь к отечественному патентному ведомству. “Патентная миграция” из Украины уже составляет 10–12% ежегодного объема патентования и про-

---

¹ Такие же оценки отечественных экспертов зафиксированы в рамках проведенного нами в 2011–2014 годах исследования социального потенциала инновационного развития экономики (ИРЭ) Украины. Для участия в экспертном опросе мы отобрали высококомпетентных специалистов по проблемам ИРЭ Украины. Результаты этого исследования изложены в монографии отдела экономической социологии Института социологии НАН Украины “Социальный потенциал инновационного развития экономики: украинские реалии”. В ней представлено экономико-социологическое понимание инновационного развития и социального потенциала ИРЭ; проведен сравнительный анализ украинской экономики в современном мире; оценен (по 5-балльной шкале) уровень социального потенциала ИРЭ Украины и его структурных составляющих: социально-политического субпотенциала (1,7), социально-экономического (2,1), институционального (2,0), социокультурного (2,7), образовательного (2,9) и научного (2,9); раскрыты основные социальные барьеры и проблемы на пути реализации ИРЭ страны; а также представлены результаты впервые проведенного в Украине опроса руководителей предприятий и организаций нанотехнологического сектора страны [Социальный потенциал, 2014].

² Была остановлена реализация ряда Законов Украины: “О приоритетных направлениях развития науки и техники”, “Об общегосударственной комплексной программе высоких наукоемких технологий”, “О приоритетных направлениях инновационной деятельности в Украине”, “О специальном режиме инновационной деятельности технологических парков”. Сдерживается реализация Законов Украины “О научных парках” и “О государственном регулировании деятельности в сфере трансфера технологий”. Отменены большинство государственных целевых научно-технических программ, в том числе касающихся развития инновационной инфраструктуры.

должает расти¹. Следует подчеркнуть, что западные экономически развитые страны всегда были заинтересованы в присвоении лучших достижений нашей науки и в устранении потенциальных конкурентов на постсоветском пространстве².

И хотя в Украине существует немало законченных инновационных разработок, готовых к организации новых наукоемких производств, а отечественными экспертами наработано достаточно конкретных мер по обеспечению инновационного развития, оно при нынешних условиях невозможно. Для этого нужны системные институциональные, социально-политические и социально-экономические изменения, преодоление “жестких” социальных барьеров на пути инновационного развития (таких, как семейно-клановый олигархический капитализм, действующая общественно-политическая система, значительная социально-экономическая дифференциация населения, низкий уровень жизни большинства людей всеохватывающая коррупция и т. п.), политическая воля руководства страны, конструктивная научно-технологическая политика, заинтересованность экономики в инновационном развитии и активная государственная поддержка ИРЭ.

Динамика валового внутреннего продукта

1990-е годы в истории Украины стали десятилетием разрушительной редукции отечественной экономики. В 1994 году реальный объем ВВП³ по сравнению с 1990-м (543 млрд долл. США) сократился почти вдвое (54,7%), а в 1999-м — более чем вдвое, достигнув минимальной отметки (41% от показателя 1990 года) за постсоветский период (рассчитано по: [GDP, PPP, s.a.]). Темпы падения постоянно росли, достигнув своего пика в 1994-м (23%). С 1995 года началось постепенное замедление темпов падения, а в 2000-м впервые за весь период реформ был зафиксирован незначительный рост реального ВВП (см. табл.). После 2000-го и до событий на Майдане 2013–2014 годов украинская экономика, за исключением периода первого глобального кризиса, демонстрировала определенный рост: среднегодовые темпы роста ВВП в 2000–2007 годах составляли 7,5%, объем производства промышленной продукции возрастал в среднем на 10% в год (рассчитано по: [Статистичний щорічник, 2010: с. 549, 553]). Однако по основным показателям развития народного хозяйства Украина так и не достигла уровня периода накануне реформ. Перед началом глобального кризиса, в 2008-м уровень

1 Наиболее активные секторы “патентной миграции” — медицинские препараты, IT-технологии (системы и оборудование), фармакология [там же].

2 Характерным примером является история намерений НАТО наладить совместное с АНТК имени О.К. Антонова производство перспективного украинского военно-транспортного самолета “АН” для продвижения на мировой рынок. Оно закончилось вывозом научно-технической документации по конструированию и производству “АН” с дальнейшим прекращением любого сотрудничества с киевскими самолетостроителями и использованием советских наработок для создания самолета “А-400М” в Западной Европе.

3 ВВП — это один из ключевых количественных показателей экономического развития, который широко используют в мире для анализа не только динамики разнообразных социально-экономических процессов во времени, но и для сравнительного (относительно других стран мира) анализа — как отдельный индикатор и в комбинации с другими показателями.

ВВП Украины составлял 75% от уровня ВВП 1990 года. Падение ВВП в период кризиса 2008–2009 годов составляло 15%, что было наибольшим среди стран СНГ. Оживление экономики, начавшееся после глобального кризиса, быстро сменилось стагнацией 2012–2013 годов. После Майдана и ранее нестабильное общество захлестнул еще более глубокий кризис, охвативший практически все без исключения сферы жизнедеятельности людей. Существенно пострадала отечественная экономика: с потерей Крыма и военными действиями на Донбассе экономический потенциал страны сократился на одну пятую, а падение ВВП в течение 2013–2015 годов на 16% превзошло падение ВВП во время глобального финансово-экономического кризиса. Небольшой рост ВВП в 2016–2018 годах даже не достиг уровня 2010-го. В 2018-м ВВП Украины составлял всего 64% от ВВП Советской Украины в 1990 году (составлено по: [GDP, s.a.]). Среднегодовой рост ВВП за 10 лет по состоянию на 2018 год составлял “–2,1%”.

Аналогично выглядит и динамика ВВП на душу населения: спад более чем на половину в бурные 90-е годы (в 1999-м ВВП на душу населения в стране было на уровне 43% от аналогичного показателя 1990-го — 10 464 долл. США), первый рост в 2000-м и продолжение позитивного тренда до глобального кризиса 2008–2009 годов, новый обвал и короткий межкризисный период роста в 2010–2013 годах, послемайданный обвал 2013–2015 годов и увеличение на 10% в 2015–2018 годах. В 2018-м ВВП на душу населения в стране достиг 78% от ВВП Украины в 1990 году (рассчитано по: [GDP per capita, s.a.]). По нашему мнению, зафиксированный опережающий рост показателя ВВП на душу населения в сопоставлении с ростом ВВП страны последних лет, к сожалению, обусловлен значительным сокращением численности населения страны.

Наряду с анализом динамики ВВП как главного макроэкономического показателя вхождения Украины в глобальное капиталистическое пространство также важно всесторонне определить ее место в мире одновременно по ряду параметров. По состоянию на 2018 год Украина, по данным ВБ, занимала 59 место среди 207 стран мира по размеру ВВП [Рейтинг стран мира по уровню, s.a.]. По численности населения (44,2 млн человек) она, по данным ООН, по состоянию на 2017 год занимала 32 место среди 195 стран мира [Рейтинг стран мира по численности, s.a.], по площади — 44 место среди 196 стран мира [Площади стран мира, s.a.] и второе, после России, среди стран Европы [Страны Европы, s.a.]. Таким образом, место Украины в глобальной социально-экономической системе координат по размеру ВВП является значительно более низким, чем ее человеческий и территориальный потенциал.

При всей важности уровня ВВП его необходимо рассматривать в комплексе с другими показателями развития и благосостояния страны, обязательно учитывая распределение этого “экономического пирога” между разными слоями населения. Более показательным, исходя из уровня благосостояния людей, является, конечно же, достигнутый в стране уровень ВВП на душу населения. Украина по уровню валового национального дохода (ВНД, который незначительно отличается от ВВП по размеру) по состоянию на 2018 год, согласно данным ВБ, занимала 141 место среди 198 стран мира после Молдовы, Вануату и Египта. 142 место по этому показателю занимала Папуа Новая Гвинея [Рейтинг стран мира по уровню, s.a.].

Хотя индекс ВНД/ВВП на душу населения является одним из базовых в международной статистике для анализа уровня жизни, он дает лишь при-

близительное представление о благосостоянии населения, поскольку не учитывает ряд важных моментов¹. Как свидетельствует американский социолог, автор недавно изданного четырехтомного фундаментального труда “Источники социальной власти” М. Манн, в нынешний период глобализации “большинство людей отдают предпочтение долголетию, а не высоким показателям ВВП, ведь чтобы воспользоваться преимуществами более высокого ВВП, нужно еще дожить до того времени, когда они станут доступными!” [Манн, 2018: с. 307].

По методологии ВБ, Украина относится к группе стран со средним уровнем дохода на душу населения. Для сравнения: средний показатель ВВП на душу населения среди стран — членов ОЭСР в 2018 году составлял 40 537 долл. США, среди стран ЕС — 37 798 долл. США [GDP per capita, s.a.]. В результате почти 30-летних нелиберальных экспериментов Украина стала беднейшей страной Европы по размеру ВВП на душу населения [Обух, 2018].

Занятость

Численность занятых разными видами экономической деятельности в Украине сократилась за годы рыночных трансформаций более чем на треть (на 35,6%, с 25 419,1 тыс. человек в 1990-м до 16 360,9 тыс. человек в 2018-м) [Статистичний щорічник, 2013: с. 344; Статистичний щорічник, 2019: с. 50]. Существенное уменьшение количества занятых в 1990-е годы и постепенное увеличение в 2002–2008 годах соответствовали указанным выше общим трендам экономического развития страны, равно как спад и подъем численности занятых во время и после глобального кризиса 2008–2009 годов (см. табл.). Зафиксированное значительное, на 21%, сокращение численности занятых в Украине в течение 2013–2017 годов является не только результатом уменьшения экономического потенциала страны вследствие потери Крыма и событий на Донбассе, но и, в значительной мере, результатом деструктивной социально-экономической политики украинской власти. Уменьшение доли занятых экономической деятельностью только за четыре постмайданных года равнялось и даже чуть превысило уменьшение этого показателя за двадцать с лишним предыдущих лет трансформационных изменений. При этом нестабильный тренд некоторого увеличения количества занятых в 2018–2019 годах, к сожалению, в один миг прервала пандемия COVID-19, поставив страну перед многочисленными новыми вызовами.

Кроме сокращения численности занятых за период вхождения Украины в глобальное экономическое пространство в сфере труда произошли существенные изменения: значительно выросла нестабильность занятости, распространились нестандартные и неформальные ее разновидности, усилилось неравенство в оплате труда, что привело к феномену “работающих бедных”. Вы-

---

¹ Он не показывает, насколько равномерно распределяются доходы между гражданами страны, не учитывает ни доходов от теневой экономики, ни неоплачиваемую работу (в домашнем хозяйстве или на общественных началах), ни вреда, причиненного производством окружающей среде. Более того, этот показатель может увеличиваться благодаря производству как полезных для общества продуктов и услуг, так и крайне вредных (таких как алкоголь, оружие и т. п.).

сокая степень распространения нестандартной занятости (НСЗ) в украинском обществе (которая, по нашим расчетам, охватывает от почти половины (44%) до большинства (56%) занятых в отечественной экономике) дает основания говорить об “обыденности” этого явления и превращении в “стандартную” форму. Сама группа НСЗ весьма неоднородна. Так, самозанятость как разновидность НСЗ существенно отличается от других ее видов. Для самозанятых характерны не только более высокие показатели доходов и материального обеспечения, но и лучшее социальное самочувствие по ряду параметров. Вообще самозанятые имеют сегодня лучшие позиции и возможности в нашем обществе, наемные работники стандартной занятости — несколько худшие, а наемные работники НСЗ — самые плохие¹.

На основе заключения письменного трудового договора на основной работе, по данным социологического опроса 2019 года, работает три четверти (74%) занятых в Украине, каждый четвертый (26%) — по устной договоренности, то есть на принципах неформальной/теневой занятости² (по данным официальной статистики, неформальной занятостью в 2017 году было охвачено 22,9% занятого населения) [Економічна активність, 2018: с. 114]. Устные договоренности распространены больше среди тех, кто работает на нескольких работах. Среди тех, кто имеет одну оплачиваемую работу, три четверти (75%) работают по письменному трудовому договору, четверть — по устной договоренности. Среди занятых на нескольких работах по письменному договору работают две трети (66%), по устной договоренности — треть (34%). В сфере занятости на нестандартных условиях вообще преобладают неформальные начала: среди нестандартно занятых наемных работников 59% работают по устной договоренности, без письменного оформленного трудового договора, среди самозанятых — еще больше, 65%. Четверо из десяти занятых (постоянно или периодически) работают сверх нормы, более 40 часов в неделю, каждый десятый — неполную рабочую неделю, а 6% респондентов, имеющих работу, работают по вызову в течение отдельных часов, необходимых для ее выполнения.

По данным социологического мониторинга, в Украине нарастает кумулятивное ухудшение гарантий занятости людей (см. табл.). Гражданам трудно найти по месту своего проживания достойную работу с достаточным заработком. Каждому второму респонденту трудно получить работу по своей квалификации. Сложности трудоустройства преобладают даже при условии поиска хоть какой-то работы, однако работа без достаточного заработка является сомнительным благом. Несмотря на подъемы и спады сложностей в трудоустройстве на любую работу по месту жительства, доля респондентов, которым это сделать трудно, постоянно существенно преобладает (в частности, в 2020 году 48% против 27%). Хотя напряженность на рынке труда за послед-

¹ Детальнее с методологией расчетов и особенностями НСЗ в украинском обществе по данным социологического мониторинга 2019 года можно ознакомиться в статье: [Петрушина, 2019: с. 110–121].

² Согласно подсчетам украинских исследователей проблем занятости и рынка труда В. Кострицы и Т. Бурлай, налоговые реформы 2010–2011 годов уничтожили возможности официальной занятости в малом и среднем бизнесе для почти 3,0 млн человек в Украине, а недавние фискальные реформы привели к потере в 2019-м работы для 1,9 млн предпринимателей и наемных работников [Кострица, 2020: с. 103].

ние пять лет, по оценкам граждан, несколько уменьшилась, ситуация остается критической. Легко найти хоть какую-нибудь работу может только каждый третий-четвертый житель страны, а работу с достаточным заработком — менее одного из десяти.

Отсутствие рабочих мест с достойной заработной платой по месту проживания граждан стимулирует рост трудовой миграции. Только за последние годы численность граждан, настроенных на работу за границей, выросла втрое: с 5% в 2012-м до 15% в 2018-м¹. В 2020-м, несмотря на пандемию, 12% опрошенных отметили, что собираются в ближайший год поехать на временные заработки за границу. Сама по себе международная трудовая миграция является объективным проявлением ЭГ, соотношение “плюсов” и “минусов” которой зависит от ряда факторов, прежде всего от места и роли страны в мировом разделении труда и от конкурентоспособности ее экономики. К сожалению, Украина сегодня не выдерживает конкуренции с экономически и индустриально развитыми странами на правах равноправного партнера и все больше становится поставщиком для них не только сырья, но и своего главного ресурса — квалифицированной рабочей силы. По экспертным оценкам, отток работников за границу колеблется от 4 до 10 млн человек [Кострица, Бурлай, 2020: с. 102]. Зарубежные заработки стали весомой доходной статьёй бюджета украинских домохозяйств. По оценкам почти половины респондентов (46%), в тех семьях их знакомых, члены которых работают за границей, зарубежные заработки составляют более 50% семейного бюджета, а по мнению трети опрошенных (36%) — от 20% до 50%². Несмотря на ряд позитивных последствий международной трудовой миграции (снижение напряженности на национальном рынке труда; поддержка материального положения домохозяйств, которые получают денежные переводы от родственников из-за границы; стимулирование международного сотрудничества и т. п.), в нашем обществе в сравнительном контексте “плюсов” и “минусов” украинского гастарбайтерства и в краткосрочном, и в долгосрочном измерении преобладают негативы. Отечественная экономика и бизнес уже сегодня испытывают дефицит высококвалифицированных рабочих и специалистов по ряду специальностей. Снижается качество имеющихся трудовых ресурсов. Слабеет социальный потенциал развития экономики. Увеличивается численность украинских семей во главе с одним из родителей со всеми негативными последствиями этого социального явления. А рост миграционных настроений, особенно среди молодежи, вообще представляет серьезную угрозу жизнеспособности страны.

Как утверждают украинские ученые В. Кострица и Т. Бурлай, “вследствие дилетантско-популистских подходов в отечественной политике занятости в стране сформировались серьезные риски потери существующих рабочих мест, сокращения уровня занятости, возрастания уровня бедности, дискриминации и неравенства украинских граждан в доступе к образова-

1 Ознакомиться с данными социологического мониторинга по динамике трудовой миграции можно в статье: [Петрушина, 2018: с. 172–178].

2 Согласно данным ВБ, в 2018-м гастарбайтеры перечислили в Украину 14 млрд долл., что более чем втрое превышает по объему всю утвержденную в конце 2018 года кредитную программу МВФ [В 2018 году, 2019] и составляет 11,4% ВВП Украины [Либанова, 2019: с. 18].

нию и достойной занятости, независимо от возраста или пола, состояния здоровья, что глубоко противоречит международным обязательствам Украины, которые определены ратифицированными ею конвенциями МОТ [Костриця, Бурлай, 2020 : с. 102]. По их мнению, рынок труда Украины в течение последних 10–15 лет “становится все более отсталым (как по качеству его институтов, так и по параметрам качества рабочих мест, занятости, производительности труда, технического оснащения), фактически демонстрируя тенденцию деградации во время новых, исключительно “бумажных” реформ” [там же, с. 99–100].

Пандемия коронавируса (как триггер нового глобального кризиса) будет иметь серьезные последствия и для отечественной экономики, в частности для рынка труда и сферы занятости. Она уже повлекла сокращение количества украинских трудовых мигрантов, а соответственно, и поступлений в семейные бюджеты наших соотечественников. Из-за массовых увольнений с работы, отсутствия транспортного сообщения, закрытия/остановки на неопределенный период работы предприятий/организаций и т. п. стремительно растет уровень безработицы. Если до начала эпидемии на десять украинских граждан, имевших оплачиваемую работу, по данным и социологического мониторинга, и национальной статистики, приходилось около одного(-ой) безработного(-ой), то, по прогнозам НБУ, в этом году уровень безработицы будет измеряться двузначными процентами. По оценкам Торгово-промышленной палаты Украины, он уже сегодня достиг 13,7–15,4%, что стало самым высоким показателем за последние 15 лет [Нечипоренко, 2020].

Доходы и благосостояние населения

Динамика доходов украинских граждан отражает общеэкономические тренды роста/падения ВВП/ВВП на душу населения. Статистические показатели средней заработной платы и пенсий начали расти после 2000 года, когда впервые после беспрецедентного обвала ВВП, связанного с рыночными трансформациями, было зафиксировано его постепенное повышение (см. табл.). Второе повышение зарплат и пенсий произошло в 2010–2013 годах, между глобальным финансово-экономическим кризисом и внутренним кризисом, начавшимся после известных событий 2013–2014 годов. В 2018 и 2019 годах мы наблюдали третье за все время капитализации украинской экономики увеличение зарплат и пенсий. Если средняя зарплата в 2019-м почти достигла уровня 2013-го, то пенсии наших соотечественников стали после последнего экономического спада и так называемой пенсионной реформы намного ниже не только по отношению к уже достигнутому в течение последнего десятилетия уровню 2013 года (61%), но и даже относительно послекризисного 2010-го (84%). Аналогичную динамику доходов населения мы получили и по данным социологического мониторинга, который позволяет отслеживать изменения как зарплат (пенсий, стипендий) граждан, так и совокупного дохода на одного члена семьи (см. табл.).

Следует подчеркнуть, что уровень зарплат в современной Украине является самым низким среди всех европейских стран. Последнее место Украина занимает и по покупательной способности на душу населения. Если украинцы, по данным исследовательской компании GfK, по состоянию на 2019-й расходовали в среднем 1830 евро в год, то европейцы, после уплаты обяза-

тельных платежей, имеют в среднем 14 739 евро на человека в год [GfK, 2019]. Потребительская корзина рядового украинца по своей структуре и стоимости абсолютно несопоставима с потребительской корзиной в европейских государствах. Для информации: в потребительской корзине, рассчитанной Кабмином Украины в октябре 2016 года, уже после подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, для трудоспособного украинца предусмотрено потребление 2 кг сала в год (то есть 5,5 г в сутки), приобретение одной пары брюк раз в четыре года для работающего мужчины и одной юбки раз в четыре года для работающей женщины, одной подушки раз в 15 лет, одного махрового полотенца раз в шесть лет, 30 таблеток активированного угля в год, 20 таблеток антигистаминного средства “Лоратадин” в год и т. п. [Набори продуктів, 2016]. В Украине с 1 июля 2019 года прожиточный минимум для трудоспособных лиц был установлен на уровне 2007 грн, минимальная зарплата — на уровне 4173 грн [Закон України, 2018], а минимальная пенсия в то время составляла 1564 грн в месяц [Петрів, 2019]. Покупательная способность при таких социальных стандартах не требует комментариев.

На фоне крайне низких зарплат и пенсий (неоправданно низких в экономическом смысле и преступно, недопустимо низких в морально-этическом аспекте в контексте реальной дифференциации зарплат и пенсий в стране) политика многократного (более чем в 10 раз!) повышения тарифов на услуги ЖКХ, шаг за шагом внедряемая в Украине с 2014 года, стала непосильным бременем для большинства населения. Существенное увеличение тарифов на централизованное отопление (что, по нашему мнению, не является обоснованным ни с экономической, ни с технической точки зрения), подачу горячей воды и т. п. за последние годы происходило вследствие безоговорочного согласия украинских высокопоставленных чиновников с требованиями МВФ по предоставлению кредитов. На первых этапах реформы энергетического сектора власти удалось через механизм постепенного повышения тарифов и субсидирования значительной доли населения сдерживать потенциальные протесты против этих действий, несмотря на то, что они существенно снизили благосостояние подавляющего большинства украинцев. В 2017-м, по данным ежегодного социологического мониторинга Института социологии НАН Украины ($N = 1800$), только на такие базовые потребности, как питание и жилье, рядовые украинские семьи расходовали в среднем 84% своего семейного дохода, в частности 48% — на питание и 36% — на оплату коммунальных услуг в отопительный сезон¹. В целом же большинство украинских семей (65%) на удовлетворение своих первичных потребностей на питание и жилье (оплату коммунальных услуг в отопительный сезон) сегодня расходуют от 75% до 100% совокупного месячного дохода. Каждая вторая украинская семья (56%), по данным этого же опроса, расходует на питание половину совокупного месячного дохода, а каждая пятая (19%) — от трети до половины. Несмотря на такую ситуацию, с целью получения нового кредита власть Украины с готовностью берет на себя новые

¹ Такие же данные получены и в 2019-м по результатам Всеукраинского репрезентативного опроса, проведенного социологической компанией “Research&Branding Group” ($N = 2001$): средняя украинская семья расходовала на оплату коммунальных услуг в отопительный сезон 38% общего семейного бюджета, что значительно превышает процент затрат по данной позиции в других странах Европы.

обязательства перед МВФ не только касательно дальнейшего повышения тарифов, но и по отмене с начала 2020 года “схемы, позволявшей оплачивать счета за отопление на протяжении 12 месяцев домохозяйствам, которые не получают субсидии”, а также соглашается “дополнительно сокращать социальные нормы для начисления субсидий на жилищно-коммунальные услуги” [Україна: Меморандум, 2018: с. 8].

С целью сокращения дефицита бюджета, на чем постоянно настаивает МВФ, в Украине наряду со сведением до минимума государственной помощи населению в оплате услуг ЖКХ проводились определенные реформы в медицинской и пенсионной сферах. Первая привела к сокращению доступности медицинских услуг (вместе с падением их качества), особенно для социально уязвимых групп населения. Вторая, нацеленная на повышение пенсионного возраста и переход к накопительной пенсионной системе, в условиях низких зарплат большинства работающих, значительной теневой занятости и нестабильности банковской системы страны является на данный момент скорее механизмом очередного изъятия денег у населения обманным путем. Следует отметить, что в последнее время даже эксперты МВФ отказались от планов по введению накопительной пенсионной системы в Украине, прежде всего из-за отсутствия стабильных финансовых институтов.

Кроме выявления общих трендов роста/падения доходов граждан принципиально важно знать и анализировать реальное распределение зарплат и пенсий между разными слоями населения. Что же кроется за средними показателями пенсий, заработных плат и среднедушевых доходов населения?

По данным Пенсионного Фонда Украины, на начало 2019 года каждый второй украинский пенсионер (из 11,5 млн) получал пенсию размером до 2000 грн (19% — до 1500 тыс. грн, 33% — от 1500 до 2000 грн), 35% — от 2000 до 4000 грн, 12% — от 4000 до 10 000 тыс. грн и всего лишь 1% — более 10 тыс. грн. Среди пенсионеров, получавших пенсию меньше минимальной, 50 тыс. получали от 800 до 1000 грн, а 25 тыс. — даже меньше 800 грн [Звіт, 2019]. К сожалению, никаких перемен к лучшему в пенсионном обеспечении наших граждан в 2019–2020 годах не произошло.

По данным мониторинга Института социологии НАН Украины 2019 года, работники получали следующие зарплаты: 22% — ниже минимальной заработной платы, 43% — от одного до двух размеров минимальной заработной платы, 13% — от двух до трех, 9% — выше, чем тройной минимальный размер [Толстих, 2019: с. 264]. Подчеркнем, что официально установленные размеры прожиточного минимума и заработной платы не отвечают ни реальной стоимости жизни, ни представлениям самих работающих о размере необходимых для выживания средств: “среднее значение размера дохода, который, по мнению респондентов, отвечал бы прожиточному минимуму, составляло 8735,2 грн на человека в месяц и, значит, в 4,5 раза превышало размер прожиточного минимума, законодательно установленного для населения в целом, ... и в 2,1 раза — законодательно установленный размер минимальной заработной платы” [там же]. В плане реального благосостояния украинских домохозяйств весьма показательны анализ совокупного дохода на одного члена семьи. В семьях подавляющего большинства граждан (от 66% до 78% за 2013–2018 годы) этот показатель был меньше двойного размера официально установленного прожиточного минимума, а в более чем трети (от 32% до 42%) — меньше прожиточного минимума.

Созданная олигархически-капиталистическая система хозяйствования привела к утверждению в стране тренда постоянного снижения жизненного уровня большинства населения, о чем свидетельствуют также оценки респондентами изменений материальных условий существования их семей в течение 1994–2018 годов. Однако степень ухудшения варьировала во времени и колебалась в соответствии с общеэкономической ситуацией в стране (см. табл.). Несмотря на фиксацию как роста, так и снижения процентов граждан, отмечавших ухудшение материальных условий своих семей, очевидно кумулятивное нарастание ухудшения их благосостояния. Обеднение своих семей признавали от четырех (в наиболее благополучные в стране годы) до восьми (в наиболее трудные годы) из каждых десяти опрошенных граждан¹. В условиях нынешней пандемии и отсутствия адекватной поддержки со стороны государства нуждающихся в ней граждан доходы населения еще больше сократились. По данным социологического мониторинга, средний размер доходов респондентов (зарплат, пенсий и т. д.) за месяц, предшествовавший опросу, уменьшился в 2020 году по сравнению с 2019 годом с 223 до 200 долл. США, а совокупный доход на одного члена семьи, соответственно, – с 191 до 172 долл. США.

По данным опроса 2020 года, материальное состояние 76% населения Украины подтверждает распространение феномена выживания на подавляющее большинство украинских граждан: в целом на проживание хватает 39% опрошенных, трети (33%) населения средств хватает только на продукты питания, 4% граждан иногда голодают и нищенствуют. Более чем каждый четвертый респондент (28%) указал на отсутствие возможности покупать самые необходимые продукты. Хватает сегодня на все необходимое, но без возможности делать сбережения одной пятой (19%) населения, и только 5% делают сбережения. А живут в полном достатке всего 7 из 1800 опрошенных граждан (0,4% населения).

К сожалению, негативные изменения из года в год нарастали и в отечественной системе медицинского обслуживания (см. табл.). Четверо из десяти респондентов (46%) в 2020-м указали, что им не хватает необходимой медпомощи (для сравнения: те, кому хватает, составляют 20% опрошенных). За последние десятилетия система здравоохранения в Украине стала крайне разбалансированной, критически недофинансируемой и сильно дифференцированной. Отток квалифицированных врачей и среднего медицинского персонала из-за низкой оплаты их труда в нашей стране за границу в сочетании с катастрофическим падением качества подготовки специалистов в отечественных медицинских университетах уже сегодня становятся реальной угрозой национальной безопасности страны в плане сохранения самого главного — здоровья ее граждан. Сосуществование весьма ограниченных ныне в своих возможностях учреждений государственной медицины (с укоренившейся параллельной нелегальной/теневой системой расчетов пациентов за медицинские услуги) и разветвленной сети частных медицинских учреждений (с

¹ Для информации: сравнивая жизнь семьи в разные периоды, жители Украины в 2017 году наиболее негативно оценили именно нынешний период (3,8 балла по 10-балльной шкале, где 1 означает “очень плохо”, 10 — “очень хорошо”), а наиболее позитивно — советский период (7,1 балла). Жизнь семьи пять лет назад (от даты опроса, то есть в 2012-м) граждане Украины оценили на 6,2 балла.

хорошо организованной системой предоставления медицинских услуг по высоким коммерческим ценам) делает качественную медицину в условиях малообеспеченности большинства населения фактически недостижимой для рядовых украинцев. А запущенная бывшей и.о. министра здравоохранения, гражданкой США У. Супрун реформа медицинской сферы¹, по оценкам отечественных врачей и экспертов, является разрушительной для украинской системы здравоохранения. Новые вызовы, обусловленные пандемией коронавируса, заставили даже недавних сторонников этой реформы из властных структур признать ее необоснованность и необходимость пересмотра.

Социально-экономическое неравенство

Несмотря на заверения со стороны апологетов капиталистической глобализации в ее выгоды для всех стран и народов, последняя приводит к распространению социально-экономического неравенства во всех регионах мира. По данным британской организации “Oxfam”, самому богатому 1% населения мира в наше время принадлежит 82% глобального богатства, а бедная половина человечества не имеет никакого богатства [Richest One Percent, 2018]. Разрыв между богатыми и бедными в условиях ЭГ постоянно увеличивается. Согласно международному опросу, репрезентирующему мнения 3,9 млрд, или 53% населения планеты, “по всему миру почти трое из четырех человек (74%) обеспокоены углублением неравенства между самым богатым 1% и остальным населением” [International Trade Union Confederation, 2017: p. 10]. Такая значительная социально-экономическая дифференциация стала следствием институционального устройства большинства стран современного мира, основу которого составляет капиталистическая частная собственность. Последняя порождает дифференциацию социально-экономического статуса людей по критерию наличия/отсутствия у них собственности на средства производства. Именно различие статусов собственника и наемного работника определяет неравенство людей в плане богатства и доходов. Для наемных работников, основным источником дохода которых служит заработная плата, ключевым видом неравенства в сфере труда является неравенство в оплате и других условиях работы. Например, в США высшие должностные лица в компаниях за чуть более чем один рабочий день зарабатывают больше, чем простой рабочий за год [Richest One Percent, 2018]. Социальное табло (аналитический инструмент Европейской комиссии) также свидетельствует, что доходы в Европе распределяются крайне неравномерно: в 2016 году 20% самых богатых домохозяйств зарабатывали в 5 раз больше, чем самые бедные 20% [Monitoring, s.a.].

В Украине же, самой бедной стране Европы, зарплаты топ-руководителей отдельных государственных компаний не просто зашкаливают по сравнению с зарплатами большинства населения, а стали кричащим примером человеческой деградации и аморальности власти: в 2016-м зарплата руководителя “Укрзалізниці”, польского менеджера В. Балчуна составляла 125 тыс. дол. США в месяц; главы правления “Укрнафти”, британца М. Роллин-

---

¹ Реформа медицинской сферы У. Супрун по ее самооценке была нацелена на уничтожение советской системы здравоохранения и перевод ее на рельсы оказания медицинских услуг по западному образцу.

за —41,5 тыс. дол. США в месяц; главы правления “Укргазвидобування” О. Прохоренко (вместе с ежемесячной премией и надбавками за интенсивность труда и работу с секретными документами — около 37 тыс. дол. США в месяц) [\$125 тысяч в месяц, 2016]. В это время средняя зарплата в Украине составляла менее 200 дол. США в месяц, а минимальная — 59 дол. США [Как менялась, s.a.].

Анализ доходов руководителей отдельных государственных предприятий по данным их деклараций, поданных в Национальное агентство по вопросам предотвращения коррупции, подтвердил колоссальные диспропорции в оплате труда. Так, руководитель НАК “Нафтогаз Украины” получает сегодня более 1 млн грн в месяц, ГК “Укроборонпром” и ПАТ “Укрзалізниця” — свыше 500 и 300 тыс. грн соответственно. Руководители Одесского припортового завода, Южного машиностроительного завода и Киевского метрополитена имеют зарплаты в диапазоне от 30 до 50 тыс. грн. Зарплата главы НАК “Нафтогаз Украины” превышает среднемесячный уровень по стране в 136 раз, при этом контрактом дополнительно предусмотрено начисление ежемесячной премии на условиях и в размере, определенных коллективным договором этой компании. Для руководителей “Укроборонпрома” и “Укрзалізниця” это превышение составляет, соответственно, 70 и 45 раз, а для руководителей других указанных государственных предприятий — от 4,0 до 6,7 раза [Мазярчук, 2019: с. 185].

Украина по неравенству удерживает пальму первенства: еще в 2012 году она занимала первое место в мире по количеству миллиардеров на 100 млрд долл. ВВП, опередив в этом плане Швейцарию почти в два раза, США, Бразилию, Индию — более чем в два раза, Великобританию — более чем в три раза [Гриценко, 2016]. Как свидетельствуют эксперты Института демографии и социальных исследований имени М.В. Птухи НАН Украины, разность между состояниями богатейших и беднейших 10% населения в Украине составляет 40 и больше раз [Лібанова, 2012: с. 13]. По мнению экспертов Института экономики и прогнозирования НАН Украины, доход 10% самых богатых людей в Украине превышает доход 10% самых бедных граждан в 30–50 раз [Балакірева, 2011: с. 124]. В мировой практике считается, что превышение доходов 10% самых богатых над доходами 10% беднейших граждан в 10 раз является предельно критичным и приводит к антагонизации социальной структуры [Осипов, 2009: с. 185]. В Украине этот показатель в несколько раз выше, что может привести к социальным потрясениям с непредсказуемыми последствиями. Следует подчеркнуть, что официальный индикатор неравенства — статистический показатель Джини — в Украине не просто низкий, а самый низкий в Европе, однако это не отвечает украинским реалиям и ставит на повестку дня пересмотр действующей системы сбора данных и методики расчетов.

Для представления полноценной картины неравенства в Украине важно экспертные и статистические данные дополнить субъективными показателями его восприятия украинскими гражданами. Так, по данным первого всеукраинского опроса рабочих, проведенного Институтом социологии НАН Украины (2013, $N = 1800$), подавляющее большинство респондентов (71%) считали, что их зарплаты ниже, чем соответствующие их реальным затратам труда, а каждый третий (34%) — что значительно ниже. По данным исследования условий труда украинцев, проведенного социологической

группой “Рейтинг” (2016, N = 1580), мнения украинских граждан разделились поровну: почти половина респондентов (46%) считали, что вознаграждения за их труд на работе (зарплата, бонусы, служебное повышение) не зависят от усилий и производительности; такая же доля (47%) респондентов отметили противоположное [Оцінка умов праці, 2017]. Согласно результатам национального опроса “Социальные неравенства: восприятие украинским обществом”, проведенного Социологической ассоциацией Украины (2017, N = 2046), подавляющее большинство граждан (85%) оценивают свою зарплату как не отвечающую их трудовым усилиям и квалификации. При этом большинство взрослого населения страны считает получение отдельными категориями работников/служащих зарплаты, превышающей 100 тыс. грн в месяц, неоправданным. Даже если человек имеет редкостные таланты или особые заслуги перед страной, а его должность предполагает слишком интенсивную, трудную работу, очень высокий уровень ответственности или профессиональной квалификации, от 66% до 71% украинских граждан такой слишком высокий уровень зарплаты считают неоправданным.

Когда отсутствуют возможности достойного трудоустройства, работники вынуждены ради выживания соглашаться на любые условия работы, что приводит, как правило, к слишком длительному рабочему времени и перенапряжению человеческих сил. Этому способствует также расширение глобальных производственных цепочек в рамках деятельности транснациональных корпораций — драйверов современной ЭГ. Как выявило case-study условий и оплаты труда в производстве брендовой одежды в Украине, проведенное в 2016–2017 годах (51 интервью с работницами восьми фабрик в семи областях Украины), эти условия близки к классическим потогонным цехам в странах периферии. Летом при экстремальной температуре (которая может достигать 40 градусов по Цельсию) им приходится работать по 10–12 часов в день, шесть дней в неделю. В отдельных случаях работницы вынуждены оставаться на рабочих местах до утра или брать работу домой, чтобы успеть выполнить заказ вовремя. Критически низкая оплата труда работниц на фоне сверхвысоких доходов владельцев бизнеса усиливает ощущение крайней несправедливости (оплаты), ведь зарплата работников составляет около 0,5–3,0% от финальной цены брендовой продукции [Дутчак, 2017: с. 86–93].

Кроме негативного влияния на благосостояние, здоровье, жизненные возможности и социальное самочувствие работающих низкие заработки большинства наемных работников приводят к ограничению роста украинской экономики, поскольку “достойная работа, достойная оплата являются жизнеспособным источником успешной экономики” [Reward Work, 2018: p. 35]. Несправедливость в оплате труда не только существенно ухудшает положение рабочих во всем мире, но и делает их заложниками кризисных ситуаций. Нынешняя пандемия Covid-19 служит спусковым механизмом для дальнейшего падения их доходов и эскалации неравенства [World Employment, 2019: p. 6; ILO Monitor, 2020]. Программа выхода Украины из состояния социально-экономического кризиса обязательно должна включать меры по обеспечению достойной зарплаты наемных работников как необходимое условие увеличения платежеспособного спроса и связанного с ним роста отечественной экономики. В итоге это будет способствовать уменьшению социальной несправедливости и увеличению социально-экономического равенства в стране.

Долговая и внешняя зависимость

В рамках анализа внешнего долга Украины как одного из главных измерений ее вовлечения в глобальное экономическое пространство нужно указать, что последний состоит из прямого государственного долга и долга по займам, предоставленным под гарантии Кабинета Министров Украины. По состоянию на 31 марта 2020 года государственный и гарантированный государством долг Украины составлял 2255,6 млрд грн, или 80,4 млрд долл. США, в том числе: внешний долг — 1387,8 млрд грн, или 49,5 млрд долл. США; внутренний долг — 867,8 млрд грн, или 30,9 млрд долл. США (соответственно 61,5% и 38,5% от общей суммы государственного и гарантированного государством долга) [Інформаційна довідка 2020]. Объем валового внешнего долга Украины сократился с начала 2020 года на конец I квартала на 1,4 млрд долл. США — со 121,7 млрд долл. США до 120,3 млрд долл. США (с 78,6% до 76,0 % от ВВП). Внешний долг государственного сектора уменьшился на 0,3 млрд долл. США, до 51,5 млрд долл. США (32,6% от ВВП), а частного — на 1,1 млрд долл. США, до 68,8 млрд долл. США (43,4% от ВВП) [Зовнішній борг, 2020]. Понятно, что возврат внешних долгов иностранным кредиторам такими медленными темпами делает Украину на долгие годы заложником глобальных “хозяев денег”.

Значительная доля государственной внешней задолженности состоит из займов, полученных Украиной от МВФ, ВБ и прочих международных финансовых организаций. По состоянию на 31.03.2020 г. этот долг равнялся 22,6 млрд долл. США [Державний та гарантований державою борг, 2020]. Самым крупным кредитором среди международных финансовых учреждений является МВФ. По данным заместителя председателя НБУ О. Чурия, суммарный долг Украины перед МВФ на начало 2018 года составлял 12,1 млрд долл. США [Україна заборгувала, 2018].

Отметим, что “история новой Украины начиналась при полном отсутствии долгов. Но такое положение длилось недолго. Уже в 1993 году государственный долг достиг отметки 3,3 млрд долларов США. А дальше — больше” [Збітнев, Сенченко, 2003: с. 213]. Это “больше” вылилось в затягивание “долговой петли” на шее Украины зарубежными кредиторами, прежде всего, из Вашингтона, у которого “есть свой “кошелек” под названием Международный валютный фонд, который реагирует только на команды из казначейства и государственного департамента США” [Катасонов, 2015: с. 220]. В результате безоговорочного согласия украинской власти со всеми требованиями наших “стратегических партнеров”, прежде всего США, государство быстро превратилось из “субъекта” мировой политики в типичный “объект” американизации с нескрываемой целью его колонизации.

Значительная доля внешних займов Украины (динамика которых представлена в таблице) предназначена для реформирования ее экономики под эгидой МВФ. Но ни одно из украинских правительств не отчитывалось перед налогоплательщиками об использовании взятых займы денег с целью повышения эффективности национальной экономики. Последняя же почти за 30 лет блуждания по путям “транзитологии”, как мы уже отмечали, даже не смогла достичь уровня ВВП на душу населения, который был в УССР в 1990-м. В этом нет ничего удивительного, поскольку МВФ заинтересован не в повышении конкурентоспособности “переходных” стран, а в уничтожении всех потенциальных конкурентов США и обеспечении условий для эксплуа-

тации ресурсов “новых рыночных государств” в интересах “золотого миллиарда” планеты. В связи с этим отечественный исследователь А. Ваджра метко характеризует деятельность МВФ: “Итогом реализации пакета реформ МВФ становится: уничтожение социальной инфраструктуры, паралич промышленности и сельского хозяйства (с постепенным их разрушением), миллионы безработных, массовое обнищание, захват транснациональными финансово-политическими группами эффективных в своем функционировании (в условиях международной конкуренции) предприятий и установление ими своего контроля над национальной денежной системой. Кроме этого, после проведения преобразований по схемам МВФ практически каждая страна остается с многомиллиардным внешним долгом, выросшим из предоставленных ей Фондом кредитов” [Ваджра, 2007: с. 370].

Украина не стала исключением из приведенного выше правила. Под предводительством МВФ она стала руиной с огромными долгами, которые придется платить не только нынешним, но и следующим поколениям украинцев. В 2020-м Украина должна осуществить рекордный объем выплат по внешнему долгу. Одни лишь обязательства государственного сектора (правительства и центрального банка), которые необходимо погасить в этом году, составляют 5,9 млрд долл. США. Общая сумма, которую Украина должна вернуть МВФ в этом году, составляет 1,35 млрд долл. США, из них 1,07 млрд — это основная сумма, а 280 млн — процентные платежи [Зовнішній борг, 2019]. Весной 2020 года украинское правительство добилось открытия новой программы кредитования от МВФ, согласившись со всеми чрезвычайно жесткими требованиями Фонда в ущерб национальным интересам Украины, включая продажу последнего ресурса страны — ее плодородных черноземов. Нужно отметить, что эти средства в случае их получения пойдут, как утверждают руководители страны, на покрытие значительного дефицита бюджета. Вполне вероятно, что они будут также использованы на выплаты ранее взятых кредитов МВФ. За следующие 3 года Украина должна выплатить этому институту 5,3 млрд долл. США. Затягивание долгой петли на шее Украины постепенно нивелирует надежды рядовых украинцев на помощь со стороны зарубежных “доброжелателей” и вызывает все большее разочарование в сотрудничестве с МВФ. По данным Института социологии НАН Украины, в 2018 году “скорее негативно” к сотрудничеству с Фондом отнеслись 37% граждан, в 2020-м — 40,0%. По данным КМИС, в июне 2020-го 61% граждан считали, что “сейчас лучше не сотрудничать с МВФ и не получать новые кредиты” [Большинство украинцев, 2020]¹.

Столкнувшись с трудностями по погашению внешнего долга в 2014 году, правительство А. Яценюка поручило решение этой проблемы министру финансов Украины Н. Ярьсько (кстати, американке украинского происхождения). Последняя в 2015-м так его реструктурировала, что он стал непосильным бременем для Украины. Согласно заявлению Н. Ярьсько, она добилась списания около 3,6 млрд долл. долга, а также перенесения сроков выплаты остальной задолженности (около 15 млрд долл.) на 2019–2027 годы. На самом же деле ставка выплат по остатку долга в 15 млрд долл. была повышена с 7,22% до 7,75%. А на 3,2 млрд долл. с 3,6 млрд якобы списанного долга были

---

¹ Детальнее с динамикой отношения граждан к сотрудничеству Украины с МВФ в 2000–2018 годах можно ознакомиться в статье: [Арсеенко, Буткалюк, 2019].

выпущены новые ценные бумаги, размер выплат по которым был привязан к динамике роста ВВП. Это означало, что до 2040 года при условиях темпов роста до 3% ВВП выплаты совсем не осуществляются, от 3% до 4% — составляют 15% от каждого дополнительного процента прироста ВВП, а свыше 4% в год — 40% от каждого дополнительного процента роста ВВП. Подписав соглашение на таких кабальных условиях, Н. Ярьсько поставила нашу страну перед жестокой дилеммой: либо поддерживать рост экономики ниже среднемирового уровня и оставаться беднейшей страной в мире, либо реализовывать стратегию роста национальной экономики и выплачивать кредиторам жуткие проценты. Через полтора года после реструктуризации внешнего долга Н. Ярьсько вернулась в США, а Украина осталась, по оценкам отечественных журналистов, с заложенной под нее “атомной бомбой”, или “миной замедленного действия” [Шевчук, 2019; Ивженко, 2019].

Накопленная огромная внешняя задолженность Украины стала весомым рычагом в руках ведущих государств мира во главе с США, что значительно усилило их влияние на все сферы деятельности Украины на внутренней и внешней аренах, способствовало дальнейшему подрыву ее способности к сохранению своего суверенитета и превращению из субъекта в объект глобальной экономики.

Деградация украинской науки

Украинская наука за годы независимости претерпела катастрофические изменения: уменьшилось до мизерных объемов ее финансирование (см. табл.), значительно снизился престиж научной деятельности, впятеро сократилась численность ученых. Если в 1991-м совокупные затраты на исследования и разработки составляли 2,4% ВВП (что соответствовало уровню наиболее инновационных экономик мира), уже в 1992-м их сократили до 1,5% ВВП, в 2007-м — до 0,9% ВВП, а в 2015-м — до 0,6% ВВП [Малицкий, Попович, 2016]. В последние годы государственное финансирование было уменьшено до 0,18% ВВП, что составляет практически одну десятую от предусмотренного украинским законодательством уровня (не менее 1,7% ВВП¹). Если же учесть высокий уровень тенезации украинской экономики, то реальная наукоемкость ВВП (доля совокупных национальных затрат на НИИКР в ВВП) будет еще ниже. Для сравнения: по данным Института статистики ЮНЕСКО, США расходуют на исследования и разработки 2,8% своего ВВП, Германия — 2,9%, Израиль — 4,3% [How much, s. a.]. Абсолютные показатели государственного финансирования научной сферы в Украине и в развитых странах мира (тем более учитывая размеры ВВП этих стран) вообще не сравнимы. Так, государственное финансирование науки в Украине в 2015-м составляло около 5 млрд грн, или менее 200 млн евро, что примерно равно бюджету одного солидного западного университета [Яцків, 2016].

Отечественные ученые, олицетворяя собой интеллект нации, лишены сегодня достойной оплаты своего труда (среднемесячная зарплата по Акаде-

¹ Как известно, когда доля затрат на науку меньше 0,4% ВВП, наука может выполнять лишь социокультурную функцию в обществе, в интервале от 0,4% до 0,9% ВВП — познавательную функцию, и только в случае затрат, превышающих 0,9% ВВП, наука начинает выполнять свою крайне важную в XXI веке экономическую функцию [Довести пріоритетність, 2018].

мии гораздо ниже среднемесячной зарплаты как по промышленности, так и по всем отраслям экономики). Из-за хронического недофинансирования научных учреждений они постепенно стали интеллектуальным отрядом “работающих бедных” и вынуждены из-за безответственного, непорядочного отношения государства работать за 0,5–0,7 ставки (которые к тому же установлены на существенно более низком от законодательно утвержденного уровне)¹, имея при этом полную рабочую нагрузку, поскольку настоящие ученые всегда работают гораздо больше, чем восемь часов в сутки, ориентируясь не на более высокую или более низкую зарплату, а на высококачественный научный результат. В целом государственные затраты на одного украинского ученого втрое ниже, чем в России, в 18 раз ниже, чем в Бразилии, в 34 раза ниже, чем в Южной Корее, в 70 раз ниже, чем в США [Грабовский, 2015]. Эти затраты самые маленькие не только среди европейских стран, но и по сравнению с африканскими, которые, разумеется, не имеют научного потенциала такого уровня, как в Украине. Для сравнения: ежегодные затраты на одного ученого составляют в мире 190,4 тыс. долл. США, в Северной Америке — 297,9 тыс. долл., в ЕС — 163,4 тыс. долл., в Африке — 106,1 тыс. долл., в Украине — 9,3 тыс. долл. [Малицкий, Попович, 2016].

Не случайно “отток мозгов” за границу стал знаковым феноменом в Украине в условиях ЭГ. Лишь в течение трех лет (с 2012-го по 2015-й) более 7000 ученых в возрасте до 35 лет оставили науку [Сененко, 2015]. В целом количество исследователей в Украине в расчете на душу населения стало втрое ниже, чем в среднем по странам ЕС [Попович, Булкин, 2015]. Для сравнения: количество исследователей на один миллион жителей в США сегодня составляет 4231, в Германии — 4363, в Израиле — 8255, в Украине — 1026 (что даже меньше, чем в Марокко (1032), где на развитие сферы R&D вожди этой африканской страны направляют 0,7% ВВП) [How much, s.a.]. Нужно вспомнить, что в начале 1990-х, когда Украина имела примерно такой же уровень обеспечения исследователями, как и ведущие страны Европы, МВФ настойчиво рекомендовал нам сократить научный потенциал втрое [Попович, 2017].

Ведущие отечественные науковеды всесторонне проанализировали политику “урезания” науки в Украине и доказали отсутствие последовательности в проведении государственной политики, обусловленное “сменами правительств и борьбой разных подходов к науке и проблемам инновационного развития” [Малицкий, Попович, 2016]. Анализируя почти ежегодные “прыжки” в финансировании науки, они выявили следующие тренды: общую тенденцию падения государственной поддержки отраслевой науки (что на фоне общего падения спроса способствовало ее уничтожению); период определенного роста поддержки академической и вузовской науки в 1999–2008 годах; четко выраженную с 2009 года тенденцию к ежегодному

---

¹ Например, “правительство Яценюка изобрело довольно лицемерный вариант реагирования на жалобы по поводу оплаты труда ученых — было принято постановление о повышении заработной платы в государственных институтах, однако никаких средств для этого не выделили. Незначительное сокращение штатов не решает проблемы — пытаюсь сохранить научный потенциал того или иного института и фронт научного поиска, руководители этих учреждений переходят на сокращенную рабочую неделю. В итоге такое “повышение зарплаты” заканчивается тем, что ученые получают еще меньше денег, чем раньше” [Малицкий, Попович, 2016].

сокращению бюджетного финансирования и свертыванию науки в целом. Наконец, особенно резко финансирование науки в Украине упало после 2013 года.

Сегодня от прежнего научного потенциала страны, который был на уровне Франции, Германии и других развитых государств, остался фактически лишь академический сектор, который раньше составлял чуть меньше пятой части научного потенциала Украины. Отраслевой и заводской секторы практически уничтожены. О кадровом разгроме науки в Украине свидетельствуют следующие показатели: общее количество ученых в 1991–2015 годах сократилось в 4,6 раза, в частности в отраслевом секторе — в 4,2 раза, заводском — в 4,3 раза, в секторе вузов — в 2,8 раза. Академический сектор сохранил 56% своего кадрового состава. Если в учреждениях Академии наук общее количество работников за годы независимости уменьшилось в 2,5 раза, то на предприятиях исследовательско-производственной базы (именно тех, что позволяют быстро внедрять научные разработки в производство) — более чем в 23 раза! Ученые НАН Украины, несмотря на моральное и финансовое издевательство над ними со стороны власти, продолжают добросовестно выполнять свои обязанности. Внедрение их разработок в отрасли энергетики, транспорта, сельского хозяйства и т. п. дают значительный экономический эффект [там же].

Состояние и перспективы науки в Украине всесторонне исследованы специалистами Института социологии НАН Украины по данным ряда массовых и экспертных опросов [Петрушина, 2017]. Критически оценивая состояние науки в Украине¹, подавляющее большинство отечественных экспертов (26 из 36) прогнозируют дальнейшее ухудшение ее состояния из-за ряда социальных факторов. Практически все эксперты указали те или иные социально-экономические причины: низкий технологический уровень экономики и незаинтересованность бизнеса в развитии науки (желание бизнеса финансово поддерживать науку по 10-балльной шкале было оценено на уровне двух баллов). Две трети назвали критически недостаточное финансирование. Определенные эксперты подчеркивали, что развитие отечественной науки сдерживает олигархическая система власти и периферийный характер «капитализма для своих», утвердившийся в Украине.

Половина среди тех, кто указал на социально-политические барьеры, подчеркивали непонимание властью решающей роли науки для развития современного общества и, как следствие, отсутствие государственной стратегии ее развития, негативное отношение государства к науке и культивирование такого же отношения к ней в обществе (отношение государства к отечественной науке эксперты оценили как крайне неудовлетворительное — 1,9 балла по 10-балльной шкале).

Украинские эксперты-ученые пытались объективно и всесторонне оценить ситуацию, сложившуюся как в отечественной науке, так и в стране в целом. Среди институциональных препятствий они самокритично признавали недостатки в организации и управлении наукой, неготовность научных учреждений к работе в условиях рынка, низкую активность ученых по улуч-

¹ Самые низкие оценки украинские эксперты дали отраслевой и вузовской науке (1,8 и 2,4 балла по 5-балльной шкале), самые высокие — академической науке (3,1 балла). Состояние науки в Украине в целом оценивается на среднем уровне — 2,5 балла.

шению ситуации в науке и стране, а среди социокультурных барьеров подчеркивали неразвитость современной культуры научной деятельности, проявление “академической неупорядоченности” в академической и вузовской среде, недостаточность использования информационных технологий и отсутствие знания иностранных языков и т. п.

Социологический мониторинг роли науки в украинском обществе выявил, что на фоне незаинтересованности нынешнего государства и бизнеса в отечественной науке в Украине существует общественный запрос на ее развитие. Большинство рядовых граждан справедливо считают развитие украинской экономики и общества невозможным без развития отечественной науки и уверены, что власть, разрабатывая программы развития Украины, должна опираться прежде всего на рекомендации отечественных ученых, уровень доверия к которым в нашем разочаровавшемся обществе стабильно остается самым высоким по сравнению с другими социальными институтами.

Понятно, что эффективно выполнять свои общественные функции наука может только при условии достаточного финансирования и активной поддержки со стороны государства. Что же касается самих ученых, особенно представителей социальных наук, влияние на которых со стороны внешних сил (экономических, политических) является самым сильным, поскольку объект их исследований постоянно находится в центре социальной борьбы и противостояния интересов разных социальных групп, то именно от объективной, непредвзятой научной позиции ученых зависит не только будущее отечественной науки, но и судьба нашей страны, преодоление жизненно важных внутренних и внешних вызовов.

Камо грядеши, Украина?

“Модернизация” украинской экономики по неолиберальным рецептам привела к ее деградации и отбросила с индустриально-аграрной стадии развития на аграрно-индустриальную, что значительно ослабило позиции страны в глобальном капиталистическом мире. Сельскохозяйственное производство является важной составляющей национальной экономики и продовольственной безопасности, особенно в условиях глобальных климатических изменений, но оно не определяет перспективы развития в XXI веке и не может эффективно развиваться в случае деиндустриализации страны. По мнению многих отечественных и зарубежных ученых, дальнейшее внедрение в Украине неолиберальной идеологии и практики хозяйствования лишает ее любых надежд на перемены к лучшему. Известный норвежский специалист по вопросам экономического развития, мировой эксперт по вопросам (де)индустриализации Э. Райнерт подчеркивает, что свободная торговля и *laissez faire* (либеральная политика невмешательства государства в экономику) выгодны только при условии примерно одинакового уровня развития торгующих стран. Свободная торговля стран с огромной разницей в развитии, как правило, приводит к дальнейшему обнищанию более бедной страны [Райнерт, 2016]. Точно так же к обеднению страны приводит ее деиндустриализация. Как справедливо утверждает Э. Райнерт, в мире “ни одна другая страна не обеднела так сильно, как Украина. Украина и сегодня становится все более бедной” [Услышать Детройт, 2017]. Высказывая свои рекомендации по использованию опыта “плана Маршалла” для Украины, Э. Райнерт подчеркивает: “Знаю одно: Украине нужна реиндустриализация

... посмотрите на опыт США. Не делайте так, как вам советуют американцы, а делайте так же, как делают они сами” [там же]. Э. Райнерт надеется, что Brexit в Великобритании и то, что произошло в США при президентстве Трампа, послужат убедительным доказательством непригодности идей свободной торговли для Украины: “Как может система, которая не работает в центре капитализма, работать на периферии?” [там же].

Несмотря на фактически “нулевую” динамику инновационности отечественной экономики за годы ее капитализации и ситуацию “инновационного дефолта” [Шнипко, 2009], в стране накоплено множество готовых к внедрению инновационных разработок и наработано достаточно мер по обеспечению инновационного развития, без чего достичь глобальной конкурентоспособности страны невозможно. Как убедительно подчеркивал Президент НАН Украины Б. Патон, “Украина имеет значительный потенциал для развития высокотехнологических отраслей производства и сферы услуг. Ни в коем случае нельзя ограничиваться ролью “аграрной супердержавы”, к которой нас готовят некоторые “эксперты”” [Довести пріоритетність, 2018].

Трансформационный цикл Украины не обусловил появления “эффективных” собственников для экономического развития страны и повышения благосостояния большинства ее граждан. ВВП страны, как основной показатель экономического роста, за почти тридцатилетний период неоллиберальных реформ так и не достиг уровня Советской Украины 1991 года. Симптоматично, что сегодня не показатель ВВП на душу населения, а унаследованный высокий образовательный уровень граждан вытягивает соответствующие рейтинги нашей страны в международных сравнениях. Низкий уровень ВВП и его несправедливое распределение значительно ограничивают возможности разрешения многочисленных социальных проблем в Украине, в частности осложняют борьбу с пандемией коронавируса.

Наращение дисбалансов в сфере занятости в условиях внедрения “дилетантско-популистских подходов в отечественной политике занятости” на фоне новых вызовов, обусловленных пандемией 2020 года, может привести к коллапсу экономической жизни в стране и массовым социальным взрывам/протестам.

Малообеспеченность большинства населения, в частности работающих, и значительное социально-экономическое неравенство как неотъемлемые спутники капиталистической экономики стали не только острыми хроническими социальными проблемами современной Украины, но и барьером на пути ее экономического развития¹. Как свидетельствует мировой

¹ Как справедливо резюмировали еще в 2010-м итоги рыночных преобразований в Украине специалисты Института экономики и прогнозирования НАН Украины, “хотя в Украине и был провозглашен курс на развитие социально-ориентированной рыночной экономики, на практике все реформы осуществлялись за счет игнорирования социального фактора, усиливая обнищание работающего населения (а не только безработных и экономически неактивного населения)” [Горкина, 2010: с. 676]. Свой ретроспективный вывод экономисты-аналитики дополнили неутешительным прогнозом, который, к сожалению, оправдывается: “главным негативным последствием сохранения в Украине практики низкой оплаты труда и “бедности работающего населения” станут консервация экстенсивного роста и провал стратегического курса экономической политики на развитие “экономики знаний””, что означает “превращение в фикцию стратегии практической реализации структурно-инновационных преобразований национального производства” [там же, с. 670].

опыт, в условиях превышения определенного порогового значения неравенства становятся невозможными ни развитие, ни консолидация общества.

Хотя Украина еще удерживает статус научно развитого государства, положение в научно-технической сфере страны критичное. Продолжается ее финансовое обескровливание, пренебрежительное отношение украинской власти к науке и ученым, сознательное замалчивание в публичном пространстве вопиющих проблем научной сферы. Дальновидные политики, даже в условиях экономического и финансового кризиса, стараются увеличить затраты на развитие науки, понимая, что это — главный фактор экономического роста и самый важный институт, способный дать ответы на глобальные вызовы XXI века. Европейцы проводят конференцию “Будущее Европы — это наука” (Лиссабон, 6–7 октября 2014 года) и ставят задачи увеличить финансирование исследований до 3% ВВП. А в Украине государство уже который год подряд сознательно расходует на науку вдесятеро меньшую долю ВВП, чем утвержденная Законом Украины “О научной и научно-технической деятельности”. Политика уничтожения научного потенциала Украины полностью противоречит мировым трендам и является нарушением положений соглашения с ЕС, что не может расцениваться иначе, как отход от европейских стандартов.

ЭГ как противоречивый и неоднозначный социальный процесс не только предоставляет определенные возможности, но и несет серьезные вызовы, противостоять которым способны лишь сильные страны. Не случайно Украина как одна из беднейших стран в Европе с деградированной и примитивизированной экономикой получила после вхождения в глобальное капиталистическое пространство негативов больше, чем преимуществ. Именно поэтому она должна бороться за свою субъектность в современном мире и прибегнуть к глобальному движению за “переписывание правил глобальной экономики”, которое поддерживает большинство жителей нашей планеты.

Вследствие глобальных потрясений, связанных с коронавирусом, Национальный банк Украины изменил предыдущий прогноз насчет роста ВВП на 3,5%, предполагая его снижение на 5% в 2020 году, ЕБРР прогнозирует падение ВВП Украины на 4,5%, МВФ — на 7,7% [ЕБРР, 2020]. Дальнейшее погружение нашей страны на глобальное “экономическое дно” происходит в условиях втягивания мировой экономики в экономический кризис, который, по признанию многих выдающихся западных экономистов, может превзойти масштабы Великой депрессии 1929–1933 годов. Нет сомнений в том, что несмотря на последний призыв 300 мировых законодателей к МВФ и ВБ списать долги с бедных стран, иностранные кредиторы Украины не только не пойдут на это, но и сделают все, чтобы стянуть с нее накопленные долги.

Системный анализ капиталистической трансформации Украины на протяжении почти 30 лет убедительно свидетельствует о кризисном состоянии всех основных сфер жизнедеятельности общества в результате деградации всех составляющих элементов самого института государства как системы. Все это является следствием того, что сросшиеся с государственной властью олигархические кланы в Украине устанавливают свои, выгодные для них “правила игры”, строя “капитализм для своих”. В то же время подавляющее большинство людей ожидают изменений, они устали от малообеспеченности, нищеты и безысходности, они отчаялись и чувствуют себя обманутыми и преданными властью, прикрывающей свои антинародные деяния популистской риторикой. Каждому второму (48%) украинскому граж-

данину, по данным омнибуса Института социологии НАН Украины 2019 года, не хватает уверенности в собственном будущем. Большинство украинцев постоянно считают, что события в стране в целом развиваются в неправильном направлении¹. В связи с этим закономерно возникает вопрос: “Камо грядеши, Україна?” Точнее: “Куда тебя ведут, Україна?” Хронический системный кризис приводит к потере украинским государством способности к самовоспроизводству и обуславливает депопуляцию страны. За годы “реформ” Украина по разным причинам потеряла более чем каждого пятого жителя (для сравнения: в период войны с гитлеровским фашизмом погиб каждый шестой украинец). Украинское общество должно осознать, куда его ведут чиновники, и найти выход из катастрофической ситуации на пути поиска и построения альтернативной модели социально-экономического устройства для осуществления лозунгов всемирного движения альтерглобалистов: “Люди выше прибылей!” и “Другой мир возможен!”

Источники

\$125 тысяч в месяц. Составлен рейтинг зарплат руководителей украинских госкомпаний. (2016). Отримано з: <https://strana.ua/news/14411-kto-iz-rukovoditelej-ukrainskih-goskompanij-poluchaet-samy-bolshie-zarplaty.html>

Аналітична довідка. Стан розвитку науки і техніки, результати наукової і науково-технічної діяльності за 2018 рік (2019). Міністерство освіти і науки України, Український інститут науково-технічної експертизи та інформації. Отримано з: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/nauka/informatsiyno-analitychni/2019/07/12/kmu2018final.pdf>

Аналітичний огляд стану державного боргу та його впливу на фінансовий ринок України станом на 01.09.2015 (2015). Національне рейтингове агентство РЮРІК. Отримано з: http://turik.com.ua/documents/research/REVIEW_debt.pdf

Арсенко, А., Буткалюк, В. (2019). Реформи під егідою МВФ в Україні: бійтеся даних, що приносять дари. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 169–186.

Арсенко, А., Петрушина, Т. (2014). США та Україна: сценарії деіндустріалізації. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 23–47.

Балакірева, О.М. (ред.) (2011). Детермінанти соціально-економічної нерівності в сучасній Україні. Київ: Інститут економіки та прогнозування.

Білорус, О., Павловський, М. (2001, 31 січня). Прийде судний день на кримінальних олігархів. *Голос України*, 18.

Большинство украинцев считает, что Украине не нужен МВФ (2020). Отримано з: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2020/06/29/7257538/>

В 2018 году заробитчане перевели в Украину 14 млрд долл. – Всемирный банк. (2019). Отримано з: https://sensor.net.ua/news/3121538/v_2018_godu_zarobitchane_pereveli_v_ukrainu_14_mlrd_doll_vsemirnuyi_bank

Ваджра, А. (2007). Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. Москва: АСТ–Астрель.

Горкіна, Л.П. (ред.) (2010). *Ретроспектива ринкових перетворень в Україні: сучасний дискурс*. Київ: Інститут економіки та прогнозування.

¹ По данным общенационального опроса, проведенного Фондом “Демократические инициативы” совместно с социологической службой Центра Разумкова с 14 по 19 августа 2020 года во всех регионах Украины, за исключением Крыма и оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей (N = 2018), так считают шестеро из десяти (59%) украинских граждан [Україні – 29, 2020].

- Грабовський, С. (2015, 9 грудня). Українська наука: митарі та храми. *День*, 225.
- Грищенко, А. (2016, 17 июня). “Украинское экономическое чудо”, или Куда ведут реформы? *Зеркало недели*, 22. Отримано з: <http://gazeta.zn.ua/article/print/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kuda-vedut-reformy-.html>
- Державний та гарантований державною борг України за станом на 31.12.2013* (2013). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/archive/main?&cat_id=34952&stind=41
- Державний та гарантований державною борг України за станом на 31.12.2014* (2014). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/archive/main?&cat_id=34952&stind=11.
- Державний та гарантований державною борг України за поточний рік* (2020). Міністерство фінансів України. Отримано з: <https://mof.gov.ua/uk/derzhavnij-borg-ta-garantovanij-derzhavju-borg>
- Динаміка середньомісячної заробітної плати в галузях економіки (у цілому) у 1940–1994 рр.* (2005). Отримано з: https://ukrstat.org/uk/operativ/operativ2005/gdn/prc_rik/prc_u/dszpGE_u.html
- Діяльність суб'єктів великого, середнього, малого та мікропідприємництва. Статистичний збірник. 2018 (2019). Київ: Державна служба статистики України.
- “Довести пріоритетність відкриттів за українськими науковцями” (Інтерв'ю президента НАН України Б. Патона) (2018). Отримано з: <http://www.nas.gov.ua/UA/Messages/news/Pages/View.aspx?MessageID=4430>
- Довідка про державний прямий і гарантований борг України станом на 31.12.2004.* (2004). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/article?art_id=51460&cat_id=52700
- Довідка щодо державного та гарантованого державною боргу України на 31.12.2010* (2010). Міністерство фінансів України. Отримано з: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/article?art_id=283755&cat_id=240945.
- Дутчак, О. (2017). Висока ціна дешевої робочої сили: Україна у глобальних ланцюгах виробництва брендового одягу. В: Українське суспільство: що знаємо, чого не знаємо і чого уникаємо? Матеріали Міжнародних соціологічних читань пам'яті Н.В. Паніної (с. 86–93). Київ: Інститут соціології НАН України.
- ЕБРР дал прогнозу по провалу ВВП України* (2020). Отримано з: <https://www.stockworld.com.ua/ru/news/iebr-dal-proghnoz-po-provalu-vvp-ukrainy>
- Економічна активність населення України 2017* (2018). Київ: Держслужба статистики України.
- Закон України “Про Державний бюджет України на 2019 рік”* (2018). Отримано з: <https://pravo.uteka.ua/doc/Pro-Derzhavnij-byudzh-et-Ukraini-na-2019-rik>
- Збітнев, Ю.І., Сенченко, М.І. (2003). Біла книга України або Вашингтонський консенсус в дії. Наслідки економічних реформ 1991–2001 років. Київ: Видавничий дім “Княгиня Ольга”.
- Звіт про розподіл пенсіонерів за розмірами призначених місячних пенсій станом на 01.01.2019* (2019). Отримано з: <https://www.pfu.gov.ua/387109-zvit-pro-rozpodil-pensioneriv-za-rozmiramy-pryznachenyh-misyachnyh-pensij-stanom-na-01-01-2019-forma-5-pf/>
- Зовнішній борг України на кінець III кварталу 2019 року* (2019). Отримано з: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_q.pdf
- Зовнішній борг України на кінець I кварталу 2020 року* (2020). Отримано з: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_q.pdf
- Івженко, Т. (2019). В Украине могут начать новое громкое расследование. Львиную долю ВВП придется отдавать западным кредиторам. Отримано з: http://www.ng.ru/cis/2019-09-23/1_6_7683_ukraine.html
- Іваненко, О. (2011). Українське селянство в умовах глобалізації: експеримент на виживання. В: Глобалізація в соціологічному вимірі / За ред. В. Степаненка, В. Бурлачука (с. 265–296). Київ: Інститут соціології НАНУ.

Інформаційна довідка щодо державного та гарантованого державою боргу України (2017; 2018; 2020). Міністерство фінансів України. Отримано з: <https://mof.gov.ua/uk/derzhavnij-borg-ta-garantovaniy-derzhavju-borg/>

Как менялась средняя и минимальная зарплата в Украине (s.a.). Отримано з: <https://fakty.ictv.ua/ru/ukraine/20170607-yak-zminyuvalasya-serednya-ta-minimalna-zarplata-v-ukrayini-infografika/>

Катасонов, В.Ю. (2015). Украинский беспредел и передел: экономический и финансовый кризис на Украине как глобальная угроза. Москва: Родная страна.

Костиця, В.І., Бурлай, Т.В. (2020). Дисбаланси і дивергенція у сфері зайнятості: підходи ЄС та України до їх подолання. *Український соціум*. 1(72), 83–107. Отримано з: <https://doi.org/10.15407/socium2020.01.083>

Кравчук, О. (2015). *Історія формування боргової залежності України*. Отримано з: <https://commons.com.ua/uk/formuvannya-zalezhnosti/>

Лібанова, Е.М. (ред.) (2012). Нерівність в Україні: масштаби та можливості впливу. Київ: Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи, НАН України.

Лібанова, Е.М., Фтомова, О.С. (2019). Особисті перекази мігрантів: оцінка масштабів і наслідків. *Демографія та соціальна економіка*, 3 (37), 11–29.

Мазур, О.А. (2013). *Українська наука — цифри і факти*. Отримано з: http://www.nas.gov.ua/publications/books/series/9789660247048/Documents/2013_7/Nauka_Ukr_V7_2.pdf

Мазярчук, В.М. (ред.) (2019). Аналіз оплати праці державних службовців у контексті реформування системи державного управління: збірка досліджень. Отримано з: <https://feao.org.ua/wp-content/uploads/2019/02/feaoobook.pdf>

Малицький, Б., Попович, А. (2016). *Українська наука: куди веде політика “урезання”*. Отримано з: <https://zn.ua/SCIENCE/ukrainskaya-nauka-kuda-vedet-politika-urezaniya-.html>

Манн, М. (2018). Источники социальной власти в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы. Москва: Издательский дом “Дело” РАНХ и ГС.

Марин (2019). *В Украине 25 лет назад бушевала гиперинфляция. Как это было?* Отримано з: <https://etcetera.media/v-ukraine-25-let-nazad-bushevala-giperinflyatsiya-kak-eto-byilo.html>

Набори продуктів харчування, набори непродовольчих товарів та набори послуг для основних соціальних і демографічних груп населення (s.a.). Додаток до постанови Кабінету Міністрів України від 11 жовтня 2016 р. № 780. Отримано з: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249464422>

Наукова та інноваційна діяльність в Україні. Статистичний збірник (2011; 2018; 2019). Київ: ДП „Інформаційно-видавничий центр Держстату України”.

Нечипоренко, М. (2020). *Безробіття в Україні наростає — як упоратися з тим державі*. Отримано з: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3008987-bezrobittya-v-ukraini-narostae-ak-uporatisa-z-tim-derzavi.html>

Обух, В. (2018). *Украина — самая бедная страна Европы: почему, как, когда изменения...* Отримано з: <https://www.ukrinform.ru/rubric-economy/2557813-ukraina-samaa-bednaa-strana-evropy-posemu-kak-kogda-izmeneniya.html>

Одотюк, І.В. (2009). Технологічна структура промисловості України: реалії та перспективи розвитку. Київ: Інститут економіки та прогнозування.

Одотюк, І.В. (2018). Шаг вперед и два назад — декларации и реальность государственной политики развития науки, инноваций и высокотехнологического производства в Украине. *Экономика Украины*, 10, 127–141.

Осипов, Г.В. (ред.) (2009). Глобальный кризис западной цивилизации и Россия. Москва: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”.

Оцінка умов праці українців (2017). Отримано з: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/ocenka_usloviv_truda_ukraincev.html

Петрів, Н. (2019). *Нові пенсії і зарплати в Україні: скільки отримуємо в 2020 році*. Отримано з: <https://mi100.info/2019/08/13/novi-pensiyi-zarplaty-v-ukrayini-skillky-otrymuemo-u-2020-rotsi/>

Петрушина, Т. (ред.) (2017). Вітчизняна наука у соціологічному вимірі. Київ: Інститут соціології НАН України.

Петрушина, Т. (2018). Соціологічний вимір трудової міграції в Україні. *Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін*, 5 (19), 172–178.

Петрушина, Т. (2019). Особливості стандартної і нестандартної зайнятості українських громадян. *Українське суспільство: Моніторинг соціальних змін*. Київ: Інститут соціології НАН України, 6 (20), 110–121.

Площади стран мира (s.a.). Отримано з: <https://anaga.ru/ploshchad-stran-mira.htm>

Попович, О. (2017). *На яке майбутнє може сподіватися українська наука*. Отримано з: <http://life.pravda.com.ua/columns/2017/03/17/223188/>

Попович, А., Булкін, І. (2015). *Так як же нам бути з наукою?* Отримано з: <https://commons.com.ua/ru/neveselye-strochki/>

Промисловість України у 2011–2015 рр. Статистичний збірник (2016). Київ: Державна служба статистики України.

Райнерт, Э.С. (2016). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. Москва: Издательский дом ВШЭ.

Рейтинг стран мира по уровню валового внутреннего продукта (s.a.). Отримано з: <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info>

Рейтинг стран мира по численности населения (s.a.). Отримано з: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population/info>

Розподіл пенсіонерів по видах і розмірах призначених пенсій станом на 01.04.2019 року (2019). Отримано з: <https://www.pfu.gov.ua/1564726-stanom-na-01-04-2019-roku/>

Сененко, А. (2015, 9 грудня). Є інші статті витрат, на яких можна зекономити. *День*, 225.

Середній розмір місячної пенсії та кількість пенсіонерів (за даними Пенсійного фонду) (2007). Отримано з:

http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/sz/sz_u/srp_07rik_u.html

Середній розмір призначеної пенсійної виплати станом на 01.10 2019 року (2019). Отримано з: <https://www.pfu.gov.ua/2002786-stanom-na-01-10-2019-roku/>

Середня зарплата в долларах досягла рівня 2013 года (2019). Отримано з: <https://minfin.com.ua/2019/05/07/37671170/>

Статистика курса доллара США (2020). Отримано з: <https://net.dn.ua/money/stat.php>

Статистичний щорічник України (1996; 2001; 2008; 2010; 2011; 2012; 2013; 2018; 2019). Київ: Державна служба статистики України.

Страны Европы по площади (s.a.). Отримано з:

<http://merikator.org.ua/ru/spravochnik/strany-evropy-po-ploshchadi/>

Толстих, Н. (2019). Працююче населення України: соціальне самопочуття й економічні очікування. *Соціальні виміри суспільства. Збірник наукових праць*, 11 (22), 259–270.

Україня заборгувала МВФ понад 12 мільярдів доларів — НБУ (2018a). Отримано з: <https://www.epravda.com.ua/news/2018/01/22/633243/>

Україна: Меморандум про економічну і фінансову політику. Додаток 1 (2018b). Отримано з: <https://www.documentcloud.org/documents/5638678-IMF.html#document/p58>

Україні – 29. Де ми зараз та куди прямуємо? (2020). Отримано з: <https://dif.org.ua/article/ukraini-29-de-mi-zaraz-ta-kudi-pryamuemo>

Услышатъ Детройт. Поможет ли индустриализация спасти Украину. Интервью Эрика Райнерта журналу “Фокус” (2017). Отримано з: <https://focus.ua/politics/371697/CIA.TheWorldFactbook>

CIA. The World Factbook (2016). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/222.html#US>

European Commission. Social scoreboard (2018). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-scoreboard-2018-country-reports_en.pdf

GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine (s.a.). Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=UA>

GDP, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine (s.a.). Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=UA>

GfK: купівельна спроможність українців – найнижча в Європі (2019). Отримано з: <https://www.ukrinform.ua/rubric-economy/2804661-gfk-kupivelnna-spromoznist-ukrainciv-najnzca-v-evropi.html>

How much does your country invest in R&D? (s.a.). Retrieved from:

<http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending>

ILO Monitor: COVID-19 and the world of work (2020). Retrieved from: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_740877/lang-en/index.htm

International Trade Union Confederation 2017 Global Poll (s.a.). Retrieved from: <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-poll-2017?lang=en>

Introducing the EBRD Knowledge Economy Index (2019). European Bank for Reconstruction and Development. Retrieved from: <https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html>

KOF Globalisation Index (s.a.). Retrieved from:

<https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

Monitoring EU member states' performance under the European pillar of social rights. Chapter 1 – Equal opportunities and access to the labour market (s.a.). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-scoreboard-2018-country-reports_en.pdf

Reward Work, Not Wealth: To end the inequality crisis, we must build an economy for ordinary working people, not the rich and powerful (2018). Oxfam Briefing Paper – January 2018. Retrieved from: https://d1tn3vj7xz9fdh.cloudfront.net/s3fs-public/file_attachments/bp-reward-work-not-wealth-220118-en.pdf

Richest One Percent Bagged 82 Percent of Global Wealth – Poorest Half of Humanity Got Nothing _Oxfam Report on Global Wealth in 2017 (2017). Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/richest-one-percent-bagged-82-percent-of-wealth-created-last-year-poorest-half-of-humanity-got-nothing/5626929>

The Power of Innovation (2007). In: *World Business, January-February 2007*. Retrieved from: <http://english.www.gov.cn/r/Pub/GOV/ReceivedContent/Other/2016-08-12/GII-2007-Report.pdf>

World Employment and Social Outlook: Trends 2019 (2019). Geneva: ILO. Retrieved from: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2019/WCMS_670542/lang-en/index.htm

Получено 24.07.2020

References

\$125 thousand per month. A salary rating of the heads of Ukrainian state-owned companies has been compiled (2016, May 23). [In Russian]. Retrieved from: <https://strana.ua/news/14411-kto-iz-rukovoditelej-ukrainskih-goskompanij-poluchaet-samye-bolshie-zarplaty.html> [= \$125 тысяч в месяц 2016]

Activities of large, medium, small and micro enterprises. Statistical collection. 2018. (2019). [In Ukrainian]. Kyiv: State Statistics Service of Ukraine. [= Діяльність 2019]

Analytical reference. The state of development of science and technology, the results of scientific and scientific-technical activities for 2018 (2019). Ministry of Education and Science of Ukraine, Ukrainian Institute of Scientific and Technical Expertise and Information. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://mon.gov.ua/storage/app/media/nauka/informatsiyno-analitychni/2019/07/12/kmu2018final.pdf>. [= Аналітична довідка 2019]

Analytical review of the state of public debt and its impact on the financial market of Ukraine as of 01.09.2015 (2015) [In Ukrainian]. RURIC National Rating Agency. Retrieved from: http://ruric.com.ua/documents/research/REVIEW_debt.pdf [=Аналітичний огляд 2015]

Arseienko, A., Butkalyuk, V. (2019). Reforms under the auspices of the IMF in Ukraine: Beware of Greeks bearing gifts. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 169-186. [=Арсеєнко, Буткалюк 2019]

Arseienko, A., Petrushyna, T. (2014). USA and Ukraine: Deindustrialization Scenarios. [In Ukrainian]. *Sociology: theory, methods, marketing*, 2, 23-47. [=Арсеєнко, Петрушина 2014]

Assessment of working conditions of Ukrainians (2017). [In Ukrainian]. Retrieved from: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/ocenka_usloviy_truda_ukraincev.html [=Оцінка 2017]

Balakireva, O.M. (Ed.) (2011). *Determinants of socio-economic inequality in modern Ukraine*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Economics and Prognostication. [=Балакірева 2011]

Bilorus, O., Pavlovsky, M. (2001, January 31). Judgment Day will come for criminal oligarchs. [In Ukrainian]. *Voice of Ukraine*, 18. [=Білорус, Павловський 2001]

Certificate of public direct and guaranteed debt of Ukraine as of 31.12.2004 (2004). Ministry of Finance of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/article?art_id=51460&cat_id=52700 [=Державний 2004]

Certificate on the state and state-guaranteed debt of Ukraine as of December 31, 2010. (2010). Ministry of Finance of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/article?art_id=283755&cat_id=240945 [=Державний 2010]

Chyzhevskiy, B.H, Shevchenko, M.M. (2016). *Innovative development: why is political will absent and why is an executive and financial blockade implemented?* [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://kno.rada.gov.ua/fsview/74727.html> [=Чижевський, Шевченко 2016]

CIA. *The World Factbook* (2016). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/222.html#US>

Countries' areas of the world (s.a.). [In Russian]. Retrieved from: <https://anaga.ru/ploshchad-stran-mira.htm> [=Площади s.a.]

Distribution of pensioners by types and amounts of assigned pensions as of April 1, 2019. (2019). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.pfu.gov.ua/1564726-stanom-na-01-04-2019-roku/> [=Розподіл 2019]

Dutchak, O. (2017). High price of cheap labor: Ukraine in global chains of branded clothing production. [In Ukrainian]. In: *Ukrainian society: what do we know, what do we not know and what do we avoid? Materials of the International Sociological Readings in Memory of NV Panina* (pp. 86–93). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [=Дутчак 2017]

Dynamics of the average monthly wage in the economy (as a whole) in 1940-1994 (2005). [In Ukrainian]. Retrieved from: https://ukrstat.org/uk/operativ/operativ2005/gdn/prc_rik/prc_u/dszpGE_u.html [=Динаміка 2005]

EBRD has forecasted Ukraine's GDP failure (2020). [In Russian]. Retrieved from: <https://www.stockworld.com.ua/ru/news/iebrr-dal-proghnoz-po-provalu-vvp-ukrainy> [=ЕБРР, 2020]

Economic activity of the population of Ukraine 2017 (2018). [In Ukrainian]. Kyiv: State Statistics Service of Ukraine. [=Економічна активність 2018]

European Commission. *Social scoreboard* (2018). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-scoreboard-2018-country-reports_en.pdf

European countries by area (s.a.). [In Russian]. Retrieved from: <http://merkator.org.ua/ru/spravochnik/strany-evropy-po-ploshchadi/> [=Страны s.a.]

Fedulova, L.I. (2013). Innovative vector of industrial development in Ukraine. [In Russian]. *Economy of Ukraine*, 4, 15-23. [=Федулова 2013]

GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$) — Ukraine (s.a.(a)). Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=UA>

- GDP, PPP (constant 2011 international \$) – Ukraine* (s.a.(b)). Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD?locations=UA>
- GfK: the purchasing power of Ukrainians is the lowest in Europe* (2019). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.ukrinform.ua/rubric-economy/2804661-gfk-kupivelnas-promoznist-ukrainciv-najnizca-v-evropi.html> [=GfK: купивельна спроможність 2019]
- Grabowski, S. (2015, December 9). Ukrainian science: tax collectors and temples. [In Ukrainian]. *Day*, 225. [=Грабовський 2015]
- Gritsenko, A. (2016, June 17). “Ukrainian economic miracle”, or Where are the reforms leading? [In Russian]. *Zerkalo Nedeli*, 22. Retrieved from: <http://gazeta.zn.ua/article/print/macrolevel/ukrainskoe-ekonomicheskoe-chudo-ili-kuda-vedut-reformy-.html> [=Гриценко 2016]
- Horkina, L.P. (Ed.) (2010). *Retrospective of market transformations in Ukraine: present discourse*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute for economics and forecasting [=Горкіна 2010]
- How did the average and minimum wage in Ukraine change?* (s.a.). [In Russian]. Retrieved from: <https://fakty.ictv.ua/ru/ukraine/20170607-yak-zminyuvalasya-serednya-ta-minimalna-zarplata-v-ukrayini-infografika/> [=Как менялась s.a.]
- How much does your country invest in R&D? (s.a.). Retrieved from: <http://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending>
- ILO Monitor: COVID-19 and the world of work*. (2020). Retrieved from: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_740877/lang-en/index.htm
- In 2018 workers transferred to Ukraine 14 billion dollars - the World Bank* (2019). [In Russian]. Retrieved from: https://censor.net.ua/news/3121538/v_2018_godu_zarobitshane_pereveli_v_ukrainu_14_mlrld_doll_vsemirnyyi_bank [=В 2018 году 2019]
- Industry of Ukraine in 2011-2015. Statistical collection* (2016). [In Ukrainian]. Kyiv: State Statistics Service of Ukraine. [=Промисловість України 2016]
- Information on the state and state-guaranteed debt of Ukraine* (2017; 2018; 2020). Ministry of Finance of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://mof.gov.ua/uk/derzhavnij-borg-ta-garantovanij-derzhavoju-borg/> [=Інформаційна довідка 2017; 2018; 2020]
- International Trade Union Confederation 2017 Global Poll* (s.a.). Retrieved from: <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-poll-2017?lang=en>
- Introducing the EBRD Knowledge Economy Index*. (2019). European Bank for Reconstruction and Development. Retrieved from: <https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html>
- Ivanenko, O. (2011). Ukrainian peasantry in the context of globalization: an experiment for survival. [In Ukrainian]. In: *Globalization in the sociological dimension* / Ed. by V. Stepanenko, V. Burlachuk (pp. 265–296). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [=Іваненко 2011]
- Ivzhenko, T. (2019). A new high-profile investigation may be launched in Ukraine. The lion's share of GDP will have to be given to Western creditors. [In Russian]. Retrieved from: http://www.ng.ru/cis/2019-09-23/1_6_7683_ukraine.html [=Івженко 2019]
- Katasonov, V.Yu. (2015). Ukrainian lawlessness and redistribution: the economic and financial crisis in Ukraine as a global threat. [In Russian]. Moscow: Rodnaia strana. [=Карасонов 2015]
- KOF Globalisation Index* (s.a.). Retrieved from: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>
- Kostrysia, V.I., Burlay, T.V. (2020). Imbalances and divergence in employment: EU and Ukrainian's approaches to overcome it. [In Ukrainian]. *Ukrainian socium*, 1 (72), 83-107. [=Костриця 2020]
- Kravchuk, O. (2015). History of Ukraine's debt dependence formation. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://commons.com.ua/uk/formuvannya-zalezhnosti/> [=Кравчук 2015]
- Law of Ukraine “On the State Budget of Ukraine for 2019”* (2018). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://pravo.uteka.ua/doc/Pro-Derzhavnij-byudzhet-Ukraini-na-2019-rik> [=Закон України 2018]

Libanova, E.M. (Ed.) (2012). *Inequality in Ukraine: scale and opportunities for influence*. [In Ukrainian]. Kyiv: M.V. Ptukha Institute of Demography and Social Research, NAS of Ukraine. [=Лібанова 2012]

Libanova, E.M, Ftomova, O.S. (2019). Personal transfers of migrants: assessment of the scale and consequences. [In Ukrainian]. *Demography and Social Economy*, 3 (37), 11–29. [=Лібанова 2019]

Malitskii, B., Popovich, A. (2016). *Ukrainian science: where does the policy of “cutting” lead?* [In Russian]. Retrieved from: <https://zn.ua/SCIENCE/ukrainskaya-nauka-kuda-vedet-politika-urezaniya-html> [=Малицкий, Попович 2016]

Mann, M. (2018). *The Sources of Social Power. Volume 4. Globalizations, 1945–2011*. [In Russian]. Moscow: Publishing House “Dielo”. [=Манн 2018]

Marin (2019). Hyperinflation was raging 25 years ago in Ukraine. How it was? [In Russian]. Retrieved from: <https://etcetera.media/v-ukraine-25-let-nazad-bushevala-giperinfliyatsiya-kak-eto-byilo.html> [=Марин 2019]

Maziarchuk, V.M. (Ed.) (2019). *Analysis of remuneration of civil servants in the context of public administration reform: a collection of studies*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://feao.org.ua/wp-content/uploads/2019/02/feaoobook.pdf> [=Мазярчук 2019]

Mazur, O.A. (2013). *Ukrainian science - figures and facts*. [In Ukrainian]. Retrieved from: http://www.nas.gov.ua/publications/books/series/9789660247048/Documents/2013_7/Nauka_Ukr_V7_2.pdf [=Мазур 2013]

Monitoring EU member states' performance under the European pillar of social rights. Chapter 1 – Equal opportunities and access to the labour market (s.a.). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-scoreboard-2018-country-reports_en.pdf

Most Ukrainians believe that Ukraine does not need the IMF (2020). [In Russian]. Retrieved from: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2020/06/29/7257538/> [=Большинство s.a.]

Nechiporenko, M. (2020). *Unemployment in Ukraine is rising - how the state has to deal with it*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3008987-bezrobitta-v-ukraini-narostae-ak-uporatisa-z-tim-derzavi.html> [=Нечипоренко 2020]

Obukh, V. (2018). *Ukraine is the poorest country in Europe: why, how, when changes ...* [In Russian]. Retrieved from: <https://www.ukrinform.ru/rubric-economy/2557813-ukraina-samaa-bednaa-strana-evropy-pocemu-kak-kogda-izmenenia.html> [=Обух 2018]

Odotiuk, I.V. (2009). *Technological structure of Ukrainian industry: realities and prospects of development*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Economics and Prognostication. [=Одотюк 2009]

Odotiuk, I.V. (2018). A step forward and two steps back - declarations and the reality of the state policy of development of science, innovations and high-tech production in Ukraine. [In Russian]. *Economy of Ukraine*, 10, 127-141. [=Одотюк 2018]

Osipov, G.V. (Ed.) (2009). *The global crisis of Western civilization and Russia*. [In Russian]. Moscow: Book House “LIBROCOM”. [=Осипов 2009]

Petriv, N. (2019). *New pensions and salaries in Ukraine: how much will we get in 2020*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://mi100.info/2019/08/13/novi-pensiyi-zarplaty-v-ukrayini-skilky-otrymayemo-u-2020-rotsi/> [=Петрів 2019]

Petrushina, T. (Ed.) (2017). *Ukrainian Science in Sociological Dimension*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [=Петрушина 2017]

Petrushyna, T. (2018). Sociological dimension of labor migration in Ukraine. [In Ukrainian]. *Ukrainian Society: Monitoring of Social Changes*. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine, 5 (19), 172-178. [=Петрушина 2018]

Petrushyna, T. (2019). Features of standard and non-standard employment of Ukrainian citizens. [In Ukrainian]. *Ukrainian Society: Monitoring of Social Changes*, 6 (20), 110-121. [=Петрушина 2019]

Popovich, O. (2017). *What future can Ukrainian science hope for?* [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://life.pravda.com.ua/columns/2017/03/17/223188/> [=Попович 2017]

Popovich, A., Bulkin, I. (2015). *So how do we deal with science?* [In Russian]. Retrieved from: <https://commons.com.ua/ru/neveselye-strochki/> [=Попович, Булкин 2015]

Rating of countries in terms of gross domestic product (s.a.). [In Russian]. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info> [=Рейтинг стран мира по уровню s.a.]

Rating of countries in terms of population (s.a.). [In Russian]. Retrieved from: <https://gtmarket.ru/ratings/world-population/info> [=Рейтинг стран мира по численности, s.a.]

Reinert, E.S. (2016). *How rich countries became rich, and why poor countries remain poor.* [In Russian]. Moscow: HSE Publishing House. [=Райнерт 2016]

Report on the distribution of pensioners by the amount of assigned monthly pensions as of 01.01.2019. (2019). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.pfu.gov.ua/387109-zvit-pro-rozpodil-pensioneriv-za-rozmiramy-pryznachenyh-misyachnyh-pensij-stanom-na-01-01-2019-forma-5-pf/> [=Звіт 2019]

Reward Work, Not Wealth: To end the inequality crisis, we must build an economy for ordinary working people, not the rich and powerful (2018). Oxfam Briefing Paper — January 2018. Retrieved from: https://d1tn3vj7xz9fdh.cloudfront.net/s3fs-public/file_attachments/bp-reward-work-not-wealth-220118-en.pdf

Richest One Percent Bagged 82 Percent of Global Wealth — Poorest Half of Humanity Got Nothing _Oxfam Report on Global Wealth in 2017 (2017). Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/richest-one-percent-bagged-82-percent-of-wealth-created-last-year-poorest-half-of-humanity-got-nothing/5626929>

Scientific and innovative activity in Ukraine. Statistical collection (2011; 2018; 2019). [In Ukrainian]. Kyiv: State Enterprise “Information and Publishing Center of the State Statistics Service of Ukraine”. [=Наукова та інноваційна діяльність 2011; 2018; 2019]

Senenko, A. (2015, December 9). There are other cost items that you can save on. [In Ukrainian]. *Day*, 225. [=Сененко 2015]

Sets of food, sets of non-food products and sets of services for the main social and demographic groups (s.a.). Annex to the Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine of October 11, 2016 № 780. [In Russian]. Retrieved from: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249464422> [=Набори продуктів s.a.]

Shevchuk, S. (2019). *Special debt. Ukraine is overtaken by the “debts of Yaresko.” When and how much do we have to pay.* [In Russian]. Retrieved from: <https://finance.liga.net/ekonomika/article/ukrainu-dogonyayut-dolgi-yaresko-kogda-i-skolko-pridetsya-platit> [=Шевчук 2019]

Shnytko, O.S. (2009). *Innovative default of Ukraine: economic and technological context.* [In Ukrainian]. Kyiv: Henesa. [=Шнирко 2009]

State and state-guaranteed debt of Ukraine as of 31.12.2013 (2013). Ministry of Finance of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/archive/main?&cat_id=34952&stind=41 [=Державний 2013]

State and state-guaranteed debt of Ukraine as of 31.12.2014 (2014). Ministry of Finance of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: http://195.78.68.18/minfin/control/uk/publish/archive/main?&cat_id=34952&stind=11 [=Державний 2014]

State and state-guaranteed debt of Ukraine for the current year. (2020). Ministry of Finance of Ukraine. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://mof.gov.ua/uk/derzhavnij-borg-ta-garantovanij-derzhavju-borg> [=Державний 2020]

Statistical Yearbook of Ukraine (1996; 2001; 2008; 2010; 2011; 2012; 2013; 2018; 2019). [In Ukrainian]. Kyiv: State Statistics Service of Ukraine. [=Статистичний щорічник 1996; 2001; 2008; 2010; 2011; 2012; 2013; 2018; 2019]

Statistics of the US dollar exchange rate (2020). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://net.dn.ua/money/stat.php> [Статистика курса 2020]

The average amount of the assigned pension payment as of October 1, 2019 (2019). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.pfu.gov.ua/2002786-stanom-na-01-10-2019-roku/> [=Середній розмір 2019]

The average monthly pension and number of pensioners (according to the Pension Fund) (2007). [In Ukrainian]. Retrieved from: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2007/sz/sz_u/srp_07rik_u.html [=Середній розмір 2007]

The average salary in dollars reached the level of 2013 (2019). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://minfin.com.ua/2019/05/07/37671170/> [=Средняя зарплата 2019]

The EBRD made forecast of Ukraine's GDP failure (2020). [In Russian]. Retrieved from: <https://www.stockworld.com.ua/ru/news/iebr-dal-proghnoz-po-provalu-vvp-ukrainy> [=ЕБРР 2020]

The Power of Innovation (2007). In: *World Business. January-February 2007*. Retrieved from: <http://english.www.gov.cn/r/Pub/GOV/ReceivedContent/Other/2016-08-12/GII-2007-Report.pdf>

To hear Detroit. Will industrialization help to save Ukraine. Interview with Eric Reinert to magazine "Focus" (2017). [In Russian]. Retrieved from: <https://focus.ua/politics/371697/> [=Услышать Детройт 2017]

"To prove the priority of discoveries for Ukrainian scientists" (Interview with the President of the NAS of Ukraine B. Paton) (2018). [In Ukrainian]. Retrieved from: <http://www.nas.gov.ua/UA/Messages/news/Pages/View.aspx?MessageID=4430> [=Довести пріоритетність 2018]

Tolstyykh, N. (2019). Working population of Ukraine: social well-being and economic expectations. [In Ukrainian]. *Social dimensions of society. Collection of scientific works*, 11 (22), 259-270. [=Толстих 2019]

Ukraine is 29. Where are we now and where are we going? (2020). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://dif.org.ua/article/ukraini-29-de-mi-zaraz-ta-kudi-pryamujemo> [=Україні – 29 2020].

Ukraine owed the IMF more than 12 billion dollars - the NBU (2018). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.epravda.com.ua/news/2018/01/22/633243/> [=Україна 2018]

Ukraine: Memorandum on Economic and Financial Policy. Appendix 1 (2018). [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://www.documentcloud.org/documents/5638678-IMF.html#document/p58> [=Україна: Меморандум 2018]

Ukraine's foreign debt at the end of the third quarter of 2019 (2019). [In Ukrainian]. Retrieved from: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_q.pdf [=Зовнішній борг 2019]

Ukraine's foreign debt at the end of the first quarter of 2020 (2020). [In Ukrainian]. Retrieved from: https://bank.gov.ua/files/ES/ExDebt_q.pdf [=Зовнішній борг 2020]

US dollar exchange rate statistics (2020). [In Russian]. Retrieved from: <https://net.dn.ua/money/stat.php> [=Статистика 2020]

Vajra, A. (2007). *The path of evil. West: The Matrix of Global Hegemony*. Moscow: AST-Astrel.

World Employment and Social Outlook: Trends 2019 (2019). Geneva: ILO. Retrieved from: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2019/WCMS_670542/lang-en/index.htm

Yatskiv, J. (2016). *A word on consolation and despair. Academician Yaroslav Yatskiv – about what can stop the degradation of science*. [In Ukrainian]. Retrieved from: <https://day.kyiv.ua/ru/library/books/marshrut-no1-vipusk-58-shlyahetnyy-svit> [=Яцків 2016]

Zbitniev, Yu.I., Senchenko, M.I. (2003). *White Book of Ukraine or Washington Consensus in Operation. Consequences of economic reforms of 1991-2001*. [In Ukrainian]. Kyiv: Princess Olga Publishing House. [=Збітнєв, Сенченко 2003]

Received 24.07.2020

ТЕТЯНА ПЕТРУШИНА, АНАТОЛІЙ АРСЕЕНКО

Соціологічний вимір економічної глобалізації:

світові тренди та українські реалії

Друга частина. Соціальні зміни в українському суспільстві за умов економічної глобалізації

Глобалізація залишається найпоширенішим і досить суперечливим концептом в сучасному соціальному дискурсі. В межах теоретико-концептуального соціологічного виміру автори проаналізували сутність економічної глобалізації (ЕГ) як її визначального типу. Вони дослідили глобалізацію як об'єктивний процес (насамперед міжнародного поділу праці) та суб'єктивний процес формування глобальної капіталістичної економіки під егідою провідних західних держав, наднаціональних фінансово-економічних установ (насамперед СБ і МВФ) і ТНК. Як головні драйвери глобалізації, вони визначають її форми та напрямки в інтересах "ядра" глобального капіталізму. В межах емпіричного соціологічного виміру ЕГ (що передбачає вимірювання різноманітних проявів як самого процесу ЕГ, так і його соціальних наслідків) особливу увагу автори приділили аналізу соціальних змін в українському суспільстві. На думку авторів, капіталізація вітчизняної економіки, що відбувалася паралельно із залученням України до глобального економічного простору, призвела до деградації народного господарства, значного погіршення життєвого рівня більшості громадян, створення антисоціальної держави, атрибутом якої стала системна криза. Для доказу цих висновків автори на підставі вивчення численних вітчизняних та іноземних джерел проаналізували динаміку головних макроекономічних і соціологічних показників життя українського суспільства майже за 30 років дрейфу на узбіччя глобального капіталістичного світу. Автори зосередилися на дослідженні восьми принципів напрямів соціальних змін: деіндустріалізації економіки, її глобальної конкурентоспроможності та інноваційності, динаміки ВВП, зайнятості, доходів і добробуту населення, соціально-економічної нерівності, боргової залежності та деградації української науки. Проведений аналіз показує необхідність відмови від неоліберальної парадигми розвитку і пошуку альтернативних, більш справедливих моделей ЕГ.

Ключові слова: економічна глобалізація, драйвери економічної глобалізації, соціологічний вимір глобалізації, соціальні зміни, українське суспільство

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА, АНАТОЛІЙ АРСЕЕНКО

Социологическое измерение экономической глобализации:

мировые тренды и украинские реалии

Вторая часть. Социальные изменения в украинском обществе в условиях экономической глобализации

Глобализация остается наиболее распространенным и довольно противоречивым концептом в современном социальном дискурсе. В рамках теоретико-концептуального социологического измерения авторы проанализировали сущность экономической глобализации (ЭГ) как ее определяющего вида. Они исследовали глобализацию как объективный процесс (в первую очередь международного разделения труда) и субъективный процесс формирования глобальной капиталистической экономики под эгидой ведущих западных государств, наднациональных финансово-экономических учреждений (прежде всего ВБ и МВФ) и ТНК. Как главные драйверы глобализации, они определяют ее формы и направления в интересах "ядра" глобального капитализма. В рамках эмпирического социологического измерения ЭГ (который предполагает измерение различных проявлений как самого процесса ЭГ, так и его социальных последствий) особое внимание авторы уделили анализу социальных изменений в

украинском обществе. По мнению авторов, капитализация отечественной экономики, которая проходила параллельно с вхождением Украины в глобальное экономическое пространство, привела к деградации народного хозяйства, значительному ухудшению жизненного уровня большинства граждан, созданию антисоциального государства, атрибутом которого стал системный кризис. Для доказательства этих выводов авторы на основании изучения многочисленных отечественных и иностранных источников проанализировали динамику основных макроэкономических и социологических показателей жизни украинского общества почти за 30 лет дрейфа на обочину глобального капиталистического мира. Авторы сосредоточились на исследовании восьми принципиальных направлений социальных изменений: деиндустриализации экономики, ее глобальной конкурентоспособности и инновационности, динамики ВВП, занятости, доходов и благосостояния населения, социально-экономического неравенства, долговой зависимости и деградации украинской науки. Проведенный анализ показывает необходимость отказа от неolibеральной парадигмы развития и поиска альтернативных, более справедливых моделей ЭГ.

Ключевые слова: экономическая глобализация, драйверы экономической глобализации, социологическое измерение глобализации, социальные изменения, украинское общество

TETIANA PETRUSHYNA, ANATOLII ARSEIENKO

Sociological dimension of economic globalization: world trends and Ukrainian realities

Second part. Social changes in Ukrainian society in the context of economic globalization

Globalization remains the most common and quite controversial concept in modern social discourse. Within the theoretical and conceptual sociological dimension, the authors analyzed the essence of economic globalization (EG) as its defining type. They studied globalization as an objective process (first of all, the international division of labour) and the subjective process of forming a global capitalist economy under the auspices of leading Western countries, supranational financial and economic institutions (primarily the World Bank and the IMF), TNCs. As the main drivers of globalization, they determine its forms and directions in the interests of the “core” of global capitalism. Within the empirical sociological dimension of EG (which involves measuring the various manifestations of the EG process itself as well as its social consequences), the authors paid particular attention to the analysis of social changes in Ukrainian society. The capitalization of the Ukrainian economy, which took place in parallel with Ukraine’s entry into the global economic space, led to degradation of the national economy, significant deterioration of living standards of most citizens, creation of anti-social state with the systemic crisis as its main attribute. To prove these conclusions, the authors analyzed the dynamics of the principal macroeconomic and sociological indicators of Ukrainian society’s life for almost 30 years of drift to the roadside of the global capitalist world, based on the study of numerous domestic and foreign sources. The authors focused on the research of eight critical areas of social changes: deindustrialization of the economy, global competitiveness and innovation, GDP dynamics, employment, income and welfare of the population, socioeconomic inequality, debt dependence and degradation of Ukrainian science. The analysis shows the need to abandon the neoliberal paradigm of development and search for the alternative and more fair models of EG.

Keywords: economic globalization, drivers of economic globalization, sociological dimension of globalization, social changes, Ukrainian society